

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России от 19.02.2010 г. журнал для ученых «Клио» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Резюме всех статей журнала «Клио» включены в International Bibliography of the Social Sciences (www.ibss.ac.uk)

Журнал «Клио» представлен в Научной электронной библиотеке (НЭБ), реализующей проект Министерства образования и науки РФ «Разработка системы статистического анализа российской науки на основе данных российского индекса научного цитирования (РИНЦ)»

К Л И О

Журнал для ученых

Печатный орган
Международной академии исторических и
социальных наук

№ 7 (103)

ИЮЛЬ

ООО «ПОЛТОРАК»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2015

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
(культурное наследие, музейные коллекции, биографии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИОГРАФИЯ

Политов В.В. (Москва). Актуальные вопросы Куликовской битвы в отечественной историографии	3
Киндинов М.А. (с. Манжерок, Республика Алтай). Русско-французские отношения середины XVIII в. в освещении отечественных исследователей (1990–2012 гг.)	12
Измозик В.С. (Санкт-Петербург). Советская разведка в Великобритании в годы Второй мировой войны: историографический обзор русскоязычной литературы	17
Шахин К. (Стамбул, Турция). Разработка проблематики глобализации в современной теоретической литературе	24

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Мигаль А.С. (Ростов-на-Дону). Западноевропейские интеллектуалы эпохи Просвещения о Мухаммеде	30

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Усачев А.И. (Морозовск, Ростовская обл.). Вандалы и Древняя Русь	35
Сулаберидзе Е.С. (Тбилиси, Грузия). Первый поход русских войск во главе Г. Тотлебенем в Грузию. «Заговор русских офицеров»	42
Кортунов А.И. (Уфа). Динамика численности казачьего населения Табынской крепости (пригорода Табынска) в 1736–1798 гг.	51
Куликов Ю.С. (Санкт-Петербург). Кадровый состав Черноморского флота к середине 1870-х гг.	58
Руженцев С.Е. (Воронеж). Моральный дискурс советской политики	62

ИСТОРИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Ненилин В.А. (Тула). К вопросу о состоянии народного образования в Тульской губернии на рубеже XIX–XX вв.	67
Ростовцев Е.А., Андреева В.В. (Санкт-Петербург). Кривое зеркало: университетская жизнь сентября-октября 1905 г.	71
Хисамутдинова Р.Р., Султанов Р.А. (Оренбург). Реализация государственной политики по охране материнства и детства на Южном Урале в годы Первой мировой войны (1914–1917)	89
Ваничев С.В. (Петрозаводск). Радиокомитет Карелии в 1930-е гг.: специфика деятельности в условиях политики коренизации	94

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Кустов В.А. (Саратов). Внешнеполитические полномочия государственной думы и представительных учреждений зарубежных стран в начале XX в. Сравнительный анализ	99
Нургалиев А.Ж. (Костанай, Республика Казахстан). Организационно-экономические аспекты деятельности кооперативных предприятий Казахстана в 1941–1945 гг.	105
Цыркуль Э.В. (Санкт-Петербург). Проблема Кипра в отношениях Турции и Европейского Союза	115
Шахин Э. (Стамбул, Турция). Заявка Кипра в ЕС и реакция Турции (1990–1995)	118
Зокоева З.В. (Санкт-Петербург). Евразийская интеллигенция в зеркале международного издания «ДА»	123

АРХЕОЛОГИЯ

Сорокин П.Е. (Санкт-Петербург). Археологические исследования в Санкт-Петербурге	126

УДК: 94(470.23) "1905"

EUGENII ANATOL'EVICH ROSTOVTSSEV

Candidate of Historical Sciences, associate professor of the department of Russian History to the 20th century, Institute of History, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg) 199034, Russian Federation, Saint-Petersburg, Universitetskaya str., d. 7-9. E-mail: e.rostovtsev@spbu.ru

VIKTORIA VALER'EVNA ANDREEVA

Senior lecturer of the Department of International Relations, Institute of International Educational Programs, Peter The Great Saint-Petersburg Polytechnic University 195251, Russian Federation, Saint-Petersburg, Politekhnikeskaya, 29. E-mail: victoriaredart@gmail.com

Distorting mirror: University life in September and October of 1905

The article considers events in September-October of 1905 at the Saint-Petersburg University which were under the supervision of the media. The key point of university life that period of time was realizing of long-held and discussed in the society idea of university autonomy. Media had different opinions about this term but all organizations understood that autonomy is a way to save universities for science and society. However neither liberal, nor right newspapers, which supported autonomy, because of different reasons hadn't noticed for a long time (didn't want to notice) the leading role of socialist parties in the meeting life of the University. The distorting mirror of media, that supported the idea of University «autonomy», which forced the government delay to close the Saint-Petersburg University. The same time it was obvious that autonomy was a cover of revolution center at the University.

Keywords: *Saint-Petersburg University, academism, media, journalism, history of higher school, First Russian revolution of 1905–1907, student movement.*

ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ РОСТОВЦЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до XX в., Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб. д. 7-9. Тел.: 534-28-28; E-mail: e.rostovtsev@spbu.ru

ВИКТОРИЯ ВАЛЕРЬЕВНА АНДРЕЕВА

Старший преподаватель кафедры международных отношений ИМОП, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Россия, Санкт-Петербург, Политехническая, 29. Тел.: 534-28-28; E-mail: victoriaredart@gmail.com

В статье рассматриваются события сентября – октября 1905 г. в Петербургском университете в фокусе прессы разных направлений. Ключевым пунктом университетской жизни этого периода была реализация на практике давно вынашиваемой и обсуждаемой в обществе идеи университетской автономии. При различиях в трактовке этого понятия пресса всех направлений сходилась в понимании автономии как средства спасения университетов для науки и общества. При этом ни либеральные, ни правые газеты, поддерживающие автономию, по разным причинам долгое время не замечали (не хотели замечать) лидирующей роли социалистических партий в митинговой жизни университета. Именно кривое зеркало прессы, солидарной в благожелательном отношении к «автономии» университета, заставляло власть медлить с принятием решения об его закрытии, в то время, как было очевидно, что «автономия» служит прикрытием для превращения университета в один из основных центров революции.

Ключевые слова: *Санкт-Петербургский университет, академизм, пресса, журналистика, история высшей школы, Первая русская революция 1905–1907 гг., студенческое движение.*

Кривое зеркало: университетская жизнь сентября-октября 1905 г.¹

Историография не раз обращалась к событиям 1905 г., происходившим в столичном университете [1–5]. Причина такого внимания к этим сюжетам очевидна – Санкт-Петербургский университет считается одним из центров первой русской революции, при чем это представление прочно закрепилось в сознании непосредственных участников событий как из революционного, так и из правительственного лагеря. Например, петербургский генерал-губернатор Д.Ф. Трепов обоснованно указывал в письме министру народного просвещения (12 октября), что

«здание Университета становится <...> ареной дерзкой и безнаказанной пропаганды революционных идей среди низших слоев городского населения» [6], а В.И. Ленин в свою очередь называл университет «трибуной» пролетариата, предоставленной ему революционным студенчеством» [7, с. 3; ср.: 8, с. 67]. Интересно, что в литературе практически не уделялось внимание отражению в прессе событий, происходивших в университете. В нашей статье, посвященной изучению образа университета в прессе первого этапа революции (с января по август 1905 г.), мы

¹ Работа выполнена при поддержке РФНФ (грант 13-01-00218, руководитель проф. М.Ф. Флоринский).

попытались показать, что значение этого источника заключается не только в восстановлении самого хода событий в стенах университета, но и в реконструкции содержания и механизма формирования основных дискурсов о роли и назначении университета в период революции, которые господствовали как в сознании членов университетской корпорации, так и общества в целом. В частности, мы пришли к выводам о том, что для достижения университетской «автономии», за которую боролось не одно поколение профессуры, либеральной прессе не нужно было активно освещать события, происходящие в университете, мало ее интересовала и студенческая забастовка. Либеральные газеты проявляют активность только тогда, когда речь идет о пересмотре университетского устава, что представляется им необходимым и естественным делом. В этой связи интересно, что правая пресса, педалировавшая университетскую тему и подчеркивавшая, что университет должен стать вне политики, разоблачавшая преподавательскую корпорацию за поддержку забастовки, не менее чем либеральные СМИ, увязывала в общественном сознании проблемы «автономии» и стабильности в высшей школе. В этом контексте «Новое время» и другие правые газеты, пожалуй, более других подвигали власть к мысли о необходимости переложить всю полноту ответственности и власти в университете на профессуру, что и было сделано «Временными правилами» 27 августа 1905 г. [9].

В фокусе настоящей статьи контент-анализ российской прессы сентября – октября 1905 г., ее основная проблематика заключается в том, чтобы, с одной стороны, посмотреть на происходящее в столичном университете в эпоху революции глазами человека 1905 г., и, с другой стороны, попытаться исследовать прессу как самостоятельный фактор, оказывавший влияние на ход событий. Как и в предыдущем исследовании, мы сосредоточились на легальной печати, имея в виду как ее большую доступность для обывателя, так и более регулярный характер. В сфере нашего внимания находилось несколько газет разных направлений. Помимо официозного «Правительственного вестника» – это так называемая «либеральная печать» («Биржевые ведомости», «Петербургский листок», «Русские ведомости»), центристская (прежде всего – «Петербургская газета») и правые газеты («Новое время», «Свет»); привлекаются отдельные статьи и из других периодических изданий. В ходе работы с указанными газетами было выявлено² 466 публикаций этого периода, так или иначе связанных с Петербургским университетом. Для нас важно было рассмотреть две основные темы, сквозь призму которых воспринимался университет в обществе: университетская перестройка (около 50%) и университет и революция (около 28%). Разумеется, это разделение в известной мере условно и основывается на доминирующей теме публикации: зачастую в той или иной степени в одном и том же тексте могли быть упомянуты разные сюжеты.

Университетская перестройка

Университетская перестройка, связанная с введением в действие т. н. «Временных правил» управления университетами или «Правил 27 августа», широко освещена в литературе и подробно восстановлена по внутриуниверситетской документации. Суть дела заключалась в создании новой системы выборного управления университетом во главе с ректором и т. н. «советской комиссией» – органа, существование которого не предусматривалось никакими законодательными и правительственными актами –

² Благодарим за помощь в работе над газетными материалами студентов и магистрантов Института истории СПбГУ – А. Казакову, А. Лысенко, А. Копьяка, И.П. Филиппова, А. Дударева.

а также формирования параллельного студенческого «центрального органа», т. н. «совета старост», статус которого не только не был законодательно закреплен, но который существовал вопреки действующим правилам о студенческих организациях. Другие аспекты начавшейся перестройки связаны с допуском в университет женщин и началом перехода от курсовой системы к предметной [см. подробнее: 5].

Прежде всего, следует отметить, что за автономию высказывались практически все органы печати: и правые, и центристы, и левые. Одно из четких определений реформы дала «Петербургская газета»: «В вопросе об автономии правительство вынуждено было отказаться от своего реформаторского приёма привнесения нового содержания в старые формы. Власть надеется на академическую корпорацию и желает ей полного успеха в деле умиротворения высших школ. Что касается общественного мнения относительно реформы, то оно однозначно положительно относится к университетской реформе» [10].

На страницах печати часто звучали мнения уважаемых профессоров. Приведем, например, цитату из выступления профессора А.А. Иностранцева:

«Жизнь нашего университета можно сравнить с жизнью животного организма. Подобно тому, как организм животного живет и развивается только при благоприятных условиях, попадая же в условия неблагоприятные, подвергается заболеваниям и умирает, таким же образом и университетская жизнь может идти правильно и развиваться только при благоприятных условиях. Такими условиями я считаю возвращение к уставу 1863 г. Высшие учебные заведения должны быть автономны, это – прежде всего. Нельзя позволить храм науки запереть в канцелярские рамки. Но автономность университета не должна и не может остановиться только на избрании ректора и деканов. Выборное начало должно быть проведено дальше, должно быть полным. Необходимо выбирать профессоров, выбирать доцентов. Профессорская корпорация должна быть корпорацией, а не группой насажденных по назначению правительства чиновников. Как у нас за последнее время пополнялся состав профессоров? Правительство только иногда, из вежливости, спрашивалось о согласии факультета, а подчас и профессора назначались без всякого его согласия» [11].

Отметим, впрочем, что профессор несколько лукавил – назначение профессоров в столичный университет с момента введения в действие устава 1884 г. почти всегда было связано с мнением Совета соответствующего факультета, хотя формально министр обладал правом замещения кафедр и без учета мнения университета [См.: 12].

Либеральные издания не скупчились на похвалу студентам, несколько поколений которых вели борьбу за «вольный университет». Характерный пассаж «Биржевых ведомостей»: «Студенческая жизнь представляла собой трагедию, тем более неизбежную, чем порядочнее, даровитее и менее эгоистичен был вступающий в эту жизнь. Родные переживали при поступлении сына в университет то, что переживают, отправляя на войну. Да, это и была война, <...> Студенты одержали огромную победу, – они создали себе свободный университет» [13].

Такие оценки и полувосторженный тон вполне понятны, поскольку основу либерального движения в России, как известно, составляла интеллигенция – в значительной степени выпускники высших учебных заведений, прошедшие школу «студенческой фронды».

В то же время нельзя не отметить и того обстоятельства, что либеральная пресса подчеркивала, что хотя указ от 27 августа носит позитивный характер [См., напр.: 14], но сам по себе он не может стабилизировать обстановку

в университете, так как никакая автономия не поможет, если не будет «умиротворения общественного» [см.: 15; ср.: 16; 17, 18]. Как отмечал новый избранный декан юридического факультета Л.И. Петражицкий: «Занятия прерывались, как вам известно, не только вследствие дефектов университетского строя. Нормальная жизнь и деятельность университетов были, главным образом, нарушены по причинам более глубоким, имеющим отношение ко всей политической жизни страны <...> В зависимости от политической жизни страны, вероятно, будет зависеть и жизнь университета» [19].

При этом левые профессора настаивали на том, что реформа должна продолжаться и углубляться [См.: 15, 20–23]. Не обходится стороной и вопрос о взаимоотношениях профессоров и студентов. «Биржевые Ведомости» вслед за «Сыном отечества» приводят высказывание Н.И. Кареева: «В последнее время справедливо указывали в печати на разобщенность, на взаимную отчужденность профессуры и студенчества в наших высших учебных заведениях, принесшую столь горькие плоды ввиду недостаточного доверия, или даже полного недоверия, учащихся к учащим и ослабления, или даже совершенного падения, нравственного авторитета профессуры среди молодежи. Теперь совершается, по-видимому, поворот к лучшему, и его нужно использовать в целях установления в высшей школе нормальных порядков» [24].

Н.И. Карееву вторил и профессор юридического факультета И.А. Покровский. Журнал «Биржевые ведомости» передает его позицию так: «Профессор в кратких словах упомянул о той разнице, которую представляет положение теперешних студентов в сравнении со студентами его времени, когда академический устав 1884 г. только что был введен, когда страшнейшая реакция давила на всю русскую жизнь. Перед теперешней, гораздо более счастливой, молодежью открывается широкая перспектива новой, свободной жизни. И для того, чтобы время подъема общественных сил не прошло даром, бесплодно для студентов, профессор пожелал им, наряду с отсутствием апатии, возможно, более хладнокровного контроля умом всякого шага. Коснувшись затем автономии, профессор высказал надежду, что студенты с доверием отнесутся к новому порядку. Если же профессора увидят, что они доверием среди молодежи не пользуются, то какое средство останется у них? Ведь, не станут же они удалять недовольных студентов? Ведь, тогда им самим придется уйти <...> В заключение профессор высказал надежду, что вновь поступившие студенты до конца пребывания в университете дождутся новой жизни для всей России» [25].

В этом смысле интересно, что наиболее последовательную позицию, рассматривающую автономию как рецепт успокоения университетов занимала как раз правая пресса. Так, в первой декаде сентября «Новое время» заявляло: «Умиротворяющая сила новых университетских правил сказалась с быстротой, какой нельзя было ожидать: очевидно, что отсутствие самостоятельности профессорской коллегии стояло постоянным раздражителем перед студенчеством, дразнило его, как красное сукно быка. Не уважался учитель, и в этом видела себя оскорбленными ученики» [26]. В том же номере находим своеобразное развитие этого тезиса: «Ведь профессора в России, очевидно, как и повсюду, – не больше, как старшие товарищи, более сведущие и особенно опытные, способные дать совет в вопросах не одного научного характера и облегчить молодым гражданам их шаги на жизненном поприще. Они, очевидно, имеют на свою аудиторию то нравственное влияние, без которого школа обратилась бы в присутственное место. Как же не останавливают они забастовщиков? Как не поставят им на вид, что ничто не способно заменить по-

терю времени? Что юношеские годы, проведенные вдали от книг, лабораторий и лекции, возмещаются с трудом?» [27]. Газета даже приводит призыв известного оппозиционного деятеля, профессора М.М. Ковалевского, по поводу нынешней ситуации в российской высшей школе: «Когда университеты снова получили избранных ректоров и деканов, когда есть надежда, что лекторы и студенты будут настоящими хозяевами в здании университета, – я готов обратиться к учащейся молодежи с призывом не покидать аудиторий и кабинетов и не терять из виду, что величайшим фактором всякого прогрессивного течения была и остается наука» [27].

Интересно, что даже когда социал-демократы уже вновь развернули свою подрывную деятельность, «Новое время» продолжало настаивать: «В студенчестве возобладали разумные элементы, и возобновление занятий обеспечено. Таким образом, кампанию «абсентеистов» можно считать проигранной, и «Сын Отечества», на днях внушавший молодежи, что она не может приступить к занятиям, не посчитавшись с данными ею «обязательствами», перешел теперь уже на благодушный тон [28]. Выступающий постоянным автором публицистических заметок в газете В.Розанов пишет в довольно патетическом стиле: «Университеты страшно упали в обаянии своем, будучи сведены в последние десятилетия к каким-то штатным чиновным местам. Все должно быть сделано, чтобы именно теперь, когда они получили автономию, они вернули себе сперва авторитет, а затем мало-помалу выработали из себя и ту сладкую ароматичность высших духовных интересов, без которой есть собственно скелет и схема университета, но нет еще его в живом и настоящем существе» [29].

Единственная оппозиция введенной «автономии» и то недолго звучала со стороны «Гражданина» князя В.П. Мещерского: «Тогда, очевидно, настанет для учебного начальства критический момент, когда оно призадумается над вопросом: если ему оказалось трудным справиться с университетами тогда, когда у него была в разуме, в сердце и в руках полная власть, справится ли оно с ними, отказавшись от этой власти и оставив за собою только иллюзию власти? Сказать людям, доселе мне не желавшим подчиняться: а если так, так вот вам власть, берите ее и делайте, что хотите, я умываю себе руки, – это очень просто, но усложняется зато будущее, ибо учебное начальство лишится основания рассчитывать, что те, которые не признавали его авторитет с властью и ответственностью за нее, будут признавать этот авторитет без власти и с властью в их руках» [Цит. по: 30]. Другое высказывание В.П. Мещерского, которое звучит явным диссонансом в хоре приветствовавших университетскую реформу, которое сочло возможным передать «Новое время»: «Кн. Мещерский находит, что для разрешения университетского вопроса не сделано самого главного, а именно необходимо, прежде всего, «уничтожить в университете контингент неучащихся студентов, как главный, всегда готовый к беспорядкам материал» [31].

Впрочем, очарование «автономии» было таково, что и оппозиция ей крайне правых не была полной – уже через неделю то же самое «Новое время» приводит еще одно высказывание редактора «Гражданина»: «С надеждой, что будущее не докажет, что я был прав, осуждая либеральную политику правительства, я остаюсь при своих отрадных впечатлениях. Главной смысл этой отрады заключается в мысли, что там, где избранные руководители юношества призывают его учиться, там на них уважение к науке возлагает обязанность устранять все препятствия к учению» [32].

Превознося автономию, правые в связи с этим не могут понять, что же еще нужно университетам, и как же так получается, что студенты продолжают бастовать. Вот что заявляет,

например, «Новое время»: «Прежде всего, вопрос учиться или не учиться – индивидуальный, решаемый самостоятельно совестью каждого студента в отдельности. Но если бы и стать на точку зрения о необходимости «соглашения», то что же может теперь «связывать», когда и университетская автономия достигнута, и в стране узаконен и в ближайшем будущем начнет действовать новый режим?» [31].

Студенты же в ходе университетской перестройки, как известно, требовали студенческого самоуправления, которое, в свою очередь, должно было играть свою роль в университете в целом. Хотя за участие студентов в управлении университетом либералы высказывались только в осторожной форме [33,34], создание студенческого самоуправления поддерживалось либеральной партией всецело. Приведем, например, стандартное высказывание одного из лидеров «левой» группы профессоров Ф.Ф. Зеллинского во время предвыборной кампании на должность ректора: «Совет университета уже озабочен проведением мер к тому, чтобы студенты университета объединились в корпорации. Теперь мы ожидаем почина только со стороны самих же студентов. Им предстоит сделать первый шаг к созданию корпораций, хотя бы на таких началах, как это существует в других высших учебных заведениях, где каждый курс составляет одно целое, избирает своего старосту, из которых составляет совет старост» [35, ср.: 36].

Победивший на выборах ректора И.И. Боргман начал свою деятельность на новом посту с того, что дал обширное интервью «Биржевым ведомостям», где в частности, сделал ряд заявлений о сотрудничестве со студенчеством: «Первые мои усилия, заявил нам уважаемый профессор, будут направлены к тому, чтобы уничтожить ту преграду, то средостение, которое доселе существовало между ректором и студентами. Ректор по должности своей, прежде всего, защитник интересов и нужд студенчества <...> Одним из первоначальных действий совета – будет назначение общестуденческой сходки. Я до сих пор никак не могу понять, кому и каким образом могли мешать наши университетские сходки. Где же нашей огромной семье и собираться, как не у себя в университете? <...> думал бы вернуться к старому способу, довольно долго и успешно практиковавшемуся в нашем университете – это к способу избрания особых экспертов из среды самих студентов. <...> Такой способ экспертизы был упразднен на том основании, что в назначении пособий усматривалась некоторая партийность; однако, я должен заметить, что на моих глазах в резкой форме эта партийность не проявлялась, и я сам был свидетелем, как эксперты ходатайствовали в пользу лиц совершенно противоположных с ними взглядов и убеждений» [37]. Ректор и совет университета всячески приветствовали создание Совета старост как долгожданного органа студенческого самоуправления, и передачу «в соответствии с духом времени» студентам функций, связанных с распределением стипендий, подысканием заработка, управлением столовой и т.п. [38,39] Как показывают материалы сходов, профессора соглашались со студентами во всех пунктах, смягчая лишь самые радикальные требования. В частности, Совет согласился с передачей регулирования предметной системы на рассмотрение совета старост, отказался от требований свидетельств о благонадежности при приеме в университет и т.п. [39] Такая политика создавала впечатление, что студенты готовы продолжать диалог, и наука в революционном университете торжествует. В этом смысле особенно характерны интерпретации «Биржевых ведомостей»: «Сходка в университете 27 сентября состоялась, по обыкновению, при большом стечении как студентов, так и лиц посторонних. Последнее, впрочем, довольно непонятно, потому что заранее было известно, какие вопросы

будут поставлены на очередь, а вопросы эти все были чисто академические. <...> После этого было высказано несколько соображение о программе прений, выставленной коалиционным советом, и вообще о тактике студенчества. Дело в том, что 13 сентября, вынося известную резолюцию о прекращении забастовки, студенты решили открыть университет не для науки, а для своего политического развития по соображениям тактическим; и тогда не предполагалось, что кто-либо сможет спокойно заниматься в аудиториях и лабораториях, когда вся Россия совершает гигантскую работу своего обновления и пересоздания. Теперь же уже столько времени весь университет занят обсуждением предметной системы, вопросами о столовой, о курсовых, старостах – вопросами чисто академическими. Не представляет ли это изменение тактики или, может быть, это только недоразумение? Но единичные голоса, высказавшиеся в таком духе, решительно не встретили сочувствия, и, по-видимому, большинство, громадное, решающее в Санкт-Петербургском университете, стоит за мирные, спокойные занятия наукой, посвящая себя политике постольку, поскольку она не повлияет отрицательно на академическую учебную жизнь [39].

В общем хоре в унисон звучал и голос ученого с мировым именем – бывшего профессора университета Д.И. Менделеева, который, правда с высоты своего положения уже не испытывал какой-либо потребности в политических заискиваниях со студенчеством и в праве на участие студентов в управлении университетом им решительно отказывал, равно как и не советовал заниматься политикой: «Что касается настоящего времени, то, на мой взгляд, студентам должна быть дана самая широкая возможность организоваться – и как им угодно. Всякие сходки, землячества, студенческие фонды, библиотеки и другие учреждения должны разрешаться безусловно и не только в здании учебного заведения, а и на стороне, но я должен оговорить, что все эти учреждения должны носить, по моему мнению, исключительно академический характер; они должны служить обсуждению лишь «своих» вопросов, внутреннего распорядка, а не политики. Университет и все другие высшие учебные заведения, по моему глубокому убеждению, должны быть лишь храмами науки, а не ареной для политических митингов. Политические волнения нашей учащейся молодежи мне глубоко смешны по их неподготовленности, полному незнанию жизни и неопытности. Ведь они своими забастовками и волнениями лишь играют на руку реакции, нашим ретроgrадам. <...> Не забудьте: университет – лишь для науки. Студенчество в настоящее время играет в руку ретроgrадам» [40].

Позиция Д.И. Менделеева была близка точке зрения правых, которые также приветствовали создание студенческого самоуправления. Вот, например, что заявляло «Новое время»: «“Временные правила”, дарованные Высочайшим указом 27 августа университетам и другим параллельным высшим учебным заведениям, в своих трех параграфах содержат план будущего управления высшей школы. Конечно, управление – еще не жизнь. Канцелярия – не аудитория. “Временные правила”, к сожалению, ничего не говорят собственно о студенческой жизни, быте, занятиях. Они проходят молчанием студенческие организации, о которых так много было толковано, и которые по нашей вечной нерешительности так и остались в стадии благих намерений. Между тем как хорошо было бы одновременно и решительно дать организацию и студенчеству и профессуре. Верхний этаж пока висит на воздухе, или, точнее, опирается на совершенно хаотическую груду разбитого кирпича и щебня. Такой хаос представляет собою фундамент, и почва университета – студенчество. Они вполне не упорядочены. Но остановимся на том, что дано [41].

В то же время для «Нового времени» также как и для Д.И. Менделеева принципиально важным был пункт о том, что университет должен оставаться местом науки, а не политики. По мнению газеты, все – и профессора и студенты, и студенческие организации – должны держаться этой позиции. Интересна в этой связи солидарность «Нового времени» с либеральными московскими «Русскими ведомостями», чьи рассуждения были близки мнению выборной администрации Московского университета: «В академических стенах может, например, быть осуществляема широкая свобода собраний, но при условии, что это будут собрания студенческие; университет не может и не должен быть местом для публичных митингов. Студенты, в целом и в лице своих лучших представителей, должны осознать, что каковы бы ни были политические убеждения каждого в их среде, они нравственно обязаны, находясь в стенах своего учебного заведения, иметь в виду, прежде всего интересы общие для всей своей корпорации, не допуская таких коллективных стремлений и проявлений, которые грозят подвергнуть риску самое существование университета. Юношеская способность к увлечению должна умеряться разумным мышлением. Высшая школа должна оставаться, прежде всего школой и центром научной работ, интересы ее должны быть интересами действующей в ней корпорации, ее жизнь должна быть жизнью это корпорации, а не какой-либо другой, и академическая корпорация, профессора и студенты должны общими усилиями поддерживать и укреплять этот корпоративный строй и дух, ограждать от посторонних влияний достоинство университета и осуществлять в нем принципы свободы и правопорядка» [32]. Газета также протестует против идей, которые она приписывает радикальной печати (в данном случае «Сыну отечества»), о необходимости замены профессорской автономии на университетскую и влияния студентов на выборы администрации университетов [42].

Выбрав однозначно положительный фокус относительно освещения как действий новой администрации университета, так и результатов «автономии», «Новое время» подчеркивает, что администрацией университета для «сходок» отводится помещение университетской столовой [43]. Правда, на следующий день та же газета сообщает, что ввиду многочисленности сходки она была перенесена в актовое зал университета. Однако и в этом случае газета пытается найти позитив: «В течение почти трех часов студенты горячо обсуждали следующие вопросы, поставленные в программу сходки: группировка общественных сил в связи с изменившимся политическим положением; отношение студенчества к настоящему положению дел в обществе. Сходка носила, таким образом, подготовительный характер, масса студенчества знакомялась на ней с тем, о чем завтра ей предстоит высказать свое мнение. Надо отдать справедливость внимательности и выдержанности участвовавших в собрании» [44].

Как видно из тональности как либеральной, так и правой печати, издания фактически не замечали крайней социалистической направленности сходок. Однако один аспект университетской жизни совсем обойти вниманием и «не заметить» было нельзя – речь идет о требовании изменения из университета «консервативной» профессуры, которое выдвигалось революционным студенчеством. Эта идея вылилась в решение сходки 19 сентября 1905 г. Вот, например, как его описывают «Биржевые ведомости»: «Результатом обсуждения явилось желание, чтобы из университета ушли следующие профессора: Коновалов, Жданов, А.И. Введенский, Георгиевский, Фойницкий; приват-доценты – Никольский, руководитель общества «Денница», и Боровитинов. Далее выражено желание слушать профессоров, покинувших кафедры по политическим условиям: Ходского, Карее-

ва, Туган-Барановского, Исаева, Семевского, Свешникова. Аничкова, Венгерова, П. Струве, Тарханова, Стасюлевича» [45]. Интересно, что никакого собственного комментария газета этим действиям сходки не дает.

«Петербургский листок» вполне отстраненно описывает обструкцию, устроенную профессору П.И. Георгиевскому 20 сентября: «Вчера, 20-го сентября, в Санкт-Петербургском университете на лекции профессора Георгиевского разыгрался следующий инцидент. Когда профессор явился в аудиторию и вышел на кафедру, раздались возгласы собравшихся студентов: “Бойкот! Бойкот! Бойкот!” Профессор стал объясняться, указывая, что он не понят студентами, что он никогда не был противником прогрессивных веяний и т. д. Тем не менее, ввиду решительного протеста со стороны студентов, профессор покинул аудиторию» [46].

Большее, на что в этой ситуации решается либеральная пресса – это публикация писем профессоров, пожелавших оправдаться. Так «Биржевые ведомости» помещают патетический текст профессора-философа А.И. Введенского: «Я имею неоспоримое нравственное право требовать от президиума, под руководством которого происходила сходка, чтобы он, по крайней мере, представил посредством печати на суд общественного мнения те нравственные преступления, которыми я в глазах сходки заслужил такое постановление. Я говорю об одной лишь нравственной стороне моей деятельности, ибо очевидно, что на сходке не могло быть никакой речи о научной стороне: этому явно противоречило бы и число слушателей в моих аудиториях, и постоянное избрание меня в председатели философского общества и тому подобных. Остается только вопрос о нравственной стороне. Газеты, сообщая о постановлении сходки, мотивировали его моей принадлежностью к реакционерам. Но я решительнейшим образом протестую и против такого мнения обо мне, хотя ни за кем не признаю права контролировать чужие убеждения и преследовать за них, и я удивляюсь, как ввиду всей моей академической и литературной деятельности могли возникнуть такие представления обо мне. Президиум и тот, кто на сходке сделал предложение обо мне, как честные люди, должны считать своим нравственным долгом немедленно, ответить мне и напечатать обвинительный акт против меня в том виде, как он был формулирован на сходке» [47]. Аналогичные обращения другого «реакционера» П.И. Георгиевского публикуют «Слово» и «Русские ведомости» [48]. Публикуется и требование «третьего суда» со стороны профессоров, попавших в проскрипционные списки [49].

Разумеется, что составление проскрипционных списков вызывает отторжение как у преподавательского сообщества, так и у значительной части интеллигентной публики. Эту ситуацию использует «Новое время» для организации наступления на «радикальные» издания. Сначала газета помещает письмо студентов, которые протестовали против подобных проскрипционных списков, за что последние сами были подвергнуты обструкции [50], а затем выступает с критическим анализом либеральной печати, выбирая в качестве объекта критики своего постоянного оппонента газету – «Сын Отечества». «Известным постановлением о “бойкоте” семи профессоров студенты Санкт-Петербургского университета положили начало преследованию научных деятелей за политические убеждения, не согласные с мнениями радикальной партии, газета «Сын Отечества» высказывается по этому вопросу следующим образом. Когда общественное мнение данной высшей школы намечает лиц, дальнейшее присутствие которых несовместимо с изменившимися порядками, простой такт и элементарное нравственное чувство должны подсказать им необходимость добровольным удалением

предупредить события: иначе они сами не только создадут себе чрезвычайно тяжелую нравственную обстановку, но и рискуют явиться объектами во всяком случае нежелательных и прискорбных эксцессов <...> Как известно, значительная часть студенческих волнений происходила в последние 5–6 лет в виде протеста против удаления тех профессоров, которым приходилось покидать университеты только из-за их политических убеждений. Постановлением о бойкоте студенты Петербургского университета, по-видимому, берут на себя роль только что удаленной из его стен позиции. По крайней мере, мотивировка бойкота («за реакционерство!») свидетельствует, что профессора изгоняются именно за несоответствие их политических взглядов с программой нового «автономного» третьего отделения. Не мудрено поэтому, что даже «Сын Отечества» не решается одобрить поведение новых университетских цензоров: слишком уж их деяния противоречат проповеди политической терпимости» [51]. В качестве пропагандистского инструмента газета использует и высказывания либеральных профессоров, защищающих своих незадачливых коллег: «Проф. Покровский перед чтением своей лекции в актовом зале заявил, что он не может согласиться с выражением студенческого протеста в виде бойкота профессоров» [52]; «Бойкот некоторых профессоров возбудил большие протесты как профессорской коллегии, так и многих студентов...» [53].

Либеральные газеты между тем акцентируют внимание на другом – на поддержке профессорами института совета старост, на работе комиссии профессоров и студентов, до окончания которой коалиционный комитет просит профессоров, попавших в проскрипционный список не начинать лекций «во избежание недоразумений» [54]. На сходке 27 сентября студенты отступили, постановив не подвергать профессоров обструкции до окончания разбирательства [39, с. 3]. Принято это решение было после долгих прений. По словам «Нового времени», «Коалиционный совет» сначала предложил сократить проскрипционный список до трех фамилий (Д.П. Коновалов, Б.В. Никольский, И.Я. Фойницкий), но студенчество большинством голосов решило передать «в комиссию» и дела этих преподавателей [55, ср.: 56, 57].

Некоторым из опальных профессоров удавалось приступить к чтению лекций без последствий, некоторым не повезло и их лекции все равно срывали. Приведем описание истории с профессором А.И. Введенским, подробно освещенной в «Новом времени»: «12 октября в Петербургском университете начал чтение лекции по психологии проф. А.И. Введенский. Первый час лекции профессору удалось прочитать; несколько свистков, раздавшихся со стороны приверженцев бойкота, вопреки постановлению общей студенческой сходки, были заглушены единодушными аплодисментами наполнивших аудиторию слушателей. Во время перерыва лекции перед шестой аудиторией по приглашению некоторых их членов бывшего коалиционного совета собралась громадная толпа студентов и посторонних лиц. При появлении профессора раздались свистки, крики: «Долой бывшего профессора!», другая часть собравшихся аплодировала. Под этот гам проф. Введенский вошел в аудиторию, но читать лекцию было невозможно. Еле удалось восстановить тишину на минуту и профессор спросил, правда ли, что есть желающее его слушать, как ему об этом говорили. Гром рукоплесканий и возгласы «правда!» ответили ему, и профессор решил остаться. Свистки и гам продолжались, тогда профессор, ввиду невозможности быть услышанным, – видно было лишь, что губы его шевелятся, но даже в пяти шагах ничего нельзя было разобрать, – написал на доске, что требует предъявления к нему формальных обвинений;

доску опрокинули. Сдавливаемый массой публики, среди толчков, профессор, полузадушенный, едва выбрался из аудитории. Свистки и крики проводили его вдоль всего коридора» [58].

Интересно, что все это происходило, вероятно, вопреки воле коалиционного комитета и формируемого в это время совета старост, а также решению сходки 27 сентября. По крайней мере, так это было представлено на сходке 14 октября, которая назвала происшедшее «нежелательным событием», однако, и не подумала принести профессору извинения [59].

Разумеется, что автономия по «временным правилам» воспринималась как промежуточное состояние перед новой реформой. Характерны в этой связи высказывания нового декана историко-филологического факультета Ф.А. Брауна: «Наше положение крайне неопределенное. Нам дана автономия, самое широкое выборное начало, а оставлен в силе устав 1884 г., – устав, по которому мы самостоятельного пикнуть не смеем. Вот нам и придется искать нечто среднее между этими двумя положениями» [60]. Ему вторит новый декан юридического факультета Л.И. Петражицкий: «Я хочу этим сказать, что пересмотр университетского устава (а в этом ведь заключается разрешение университетского вопроса) не должен быть произведен действующими ныне и находящимися у власти бюрократическими органами. Эти органы, при всем их желании, не могут нам подарить такой устав, какой нам нужен. Университетский вопрос должен быть разрешен народным представительством, и – повторяю – то, что нам дали теперь – все, что нам могла дать бюрократия» [19].

Анализ прессы дает ответ и на вопрос, почему первым избранным ректором стал И.И. Боргман, уступавший своим оппонентам как по административному опыту, так и по научным заслугам или по политическому влиянию. Расклад сил перед выборами очень схоже представлен в разных изданиях. Вот, например, заметка, помещенная в газете «Свет»: «Либеральная партия выдвигает профессора Петражицкого, консерваторы – профессора русской истории Платонова, умеренная партия, пока наиболее сильная, выставляет декана юридического факультета профессора римского права Гримма. Кроме того, называют проф. Коновалова, Боргмана и Зелинского» [61].

Ответ, как нам кажется, в том, что этот кандидат оказался единственным, кто выдвинул программу, устроившую значительное большинство профессуры. Эта программа была доведена до общественности посредством либеральной печати. Приведем характерные цитаты из интервью И.И. Боргмана «Биржевым ведомостям», данным накануне выборов: «Ректор будет избираться профессорами. Из «верхшителя судеб», каким он считался до сих пор, он обращается в обыкновенного исполнителя постановлений совета профессоров. Это дело громадной важности. Лучший способ управления делами университета – управление коллегиальным порядком, иначе – советом профессоров. <...> Мое мнение, что следует ввести федеративное начало в отношения факультетов к совету. Предоставление широкой самостоятельности в действиях факультетов – вот то, к чему всеми силами следует стремиться в настоящее время. Факультет будет решать все, касающееся его; роль совета сведется, так сказать, к роли *superarbitri* – верховного, высшего судьи, которому предстоит высказываться в могущих возникнуть недоразумениях. К этому сведется вся его роль и значение. Без сомнения, деятельность совета будет направлена в сторону управления университетом: ни ученой, ни учебной деятельности, она, вероятно, касаться не будет. Да и как, например, юристы будут направлять деятельность математиков, или математики будут руководить ученой и учебной деятельностью филологов?

Получилась бы явная несообразность, допустить которую невозможно» [62].

Как известно, И.И. Боргман победил на выборах только во втором туре, оказавшись с такой программой самым желанным кандидатом. Вероятно, дело заключалось в том, что другие лидеры либералов предлагали менее приемлемую для большинства программу. Например, вряд ли много шансов занять пост ректора имел в тот момент будущий лидер университетской корпорации Д.Д. Гримм, который в период выборов настаивал на разграничении функций университетского ученого и политика: «Привлечь профессоров к участию в Государственной Думе, бесспорно, желательно; но ведь пока и не существует для профессоров никаких к этому препятствий. Правда им придется выйти в отставку, но ведь, согласитесь же, что невозможно практически участвовать в законодательных работах Государственной Думы и состоять профессором университета. Что-нибудь одно. Или человек исключительно занимается науками, он должен работать все время; вкладывая сведения в молодые головы, он должен предлагать их свежими, новыми, не залежавшимися, а в таком случае у него не останется времени для работы в Государственной Думе» [63]. Другой конкурент И.И. Боргмана Ф.Ф. Зелинский был неосторожен в другом вопросе – поддерживая идею предоставления голоса в университетском совете младшим преподавателям [35]. Неслучайно, что уже к первому туру голосования два основных кандидата для корпорации были известны – по утверждению газеты «Новое время», «в профессорских кругах ближайшими кандидатами на должность ректора называют профессоров И.И. Боргмана и Л.И. Петражицкого» [64].

Между тем, левые оказались настолько раздроблены, что вопреки этим прогнозам, в первом туре лидером оказался прежний ректор университета «назначенец» А.М. Жданов. Вот как «Новое время» прокомментировало реакцию либеральной прессы на это неожиданное событие: «Радикальные органы пришли в неистовый раж, когда оказалось, что в петербургском университете при избрании кандидатов в ректоры наибольшее число голосов получил проф. Жданов, нынешний ректор». «Наша Жизнь» поясняет, что такой выбор противоречил бы «общественным программам», что каков бы ни был новый ректор по личным качествам, но только бы не был «ставленником администрации», а придерживался «определенной программы, хорошо известной обществу и учащейся молодежи». Вот почему, – заключает газета, – мы не считаем выборы в Петербургском университете домашним делом этого университета и придаем им крупное значение. Мы горячо желаем, чтобы большинство совета университета не осталось глухим к прогрессивным общественным течениям. Для каждого ясно, что под «общественными программами» и «прогрессивными общественными течениями» кроется тот смысл, чтобы был выбран «свой» человек, хотя бы лично совершенно к тому не подходящий («мы оставляем в стороне личные качества кандидатов такого рода», – откровенно заявляет газета). Ну, разве это не по-домашнему? [65]

Однако во втором туре при существующем в профессорском совете раскладе корпоративных и политических симпатий и антипатий победа либералов была неизбежна и, как многими и предрекалось, избранным оказался И.И. Боргман. Вот как откликнулись на это «Биржевые ведомости»: «С избранием проф. И.И. Боргмана Петербургский университет вздохнул свободно. Еще так недавно мучительные сомнения закрадывались в душу студенчества и профессоров, еще так недавно старый жестокий режим готов был восторжествовать в лице проф. А.М. Жданова, получившего на кандидатских выборах наибольшее коли-

чество голосов, однако, испытание миновало, и тяжелый кризис разрешился счастливо» [37].

При этом либеральная пресса не преминула выступить с критикой профессоров-консерваторов, осмелившихся голосовать за ректора-назначенца: «В самом деле, как бы там ни подсчитывать голоса сходок, но нельзя не признать, что мы все же живем и очень близко – у порохового склада. Достаточно малейшей неосторожности, чтобы порох вспыхнул, и случилось большое, может быть, даже непоправимое несчастье. Несчастье это представляется, тем более грандиозным, что студенчество, и всегда солидарное, никогда еще не было так объединено сознанием общности своих интересов, как теперь. Еще на днях мы видели, как студенты разных «оружий» собирались на общую сходку, решали вопросы сообща. А что опасаться «неосторожности» мы имеем все данные, это достаточно ясно показали хотя бы выборы ректоров в университетах. Профессор Жданов, думавший превратить университет в форт Шаброль, получил 34 голоса! Это половина профессоров Петербургского университета! Половина профессорской коллегии оказалась до такой степени не в состоянии сознательно отнестись к делу, что чуть было в самом начале не бросила той искры, от которой мог сразу же начаться пожар. Правда, уступая давлению общественного мнения, от проф. Жданова отпало 6 голосов, но все на кафедрах остались. Быть может, конечно, все они с успехом будут двигать науку и читать лекции, но кто не поручится, что эти ученые мужи, так плохо ориентирующиеся в вопросах общественных, не допустят какой-нибудь бестактности, которая испортит даже твердо налаженное дело?» [66]

С восторгом пересказывают «Биржевые ведомости» вступительную речь нового избранного ректора. В передаче газеты она звучит следующим образом: «Я не могу быть начальником; я могу быть только слугою совета, и, как слуга совета, я буду исполнять только то, что постановит совет. Но, как глубоко убежденный в известном направлении правового порядка, я могу оставаться во главе совета как его председатель, только до тех пор, пока его постановления не будут противоречить моим коренным убеждениям» [67]. В интервью «Петербургскому листку» новый ректор, помимо всего прочего, с пафосом заявил, что «полиция может явиться в стены университета только по приглашению ректора...» и «мы, насколько это в наших силах, будем стремиться к тому, чтобы очистить университет от всех прелестей прежнего печального режима; насколько это нам удастся. – Чего нам, в конце концов, недостает, чтобы сравниться с немецкими университетами? – Свободы печати, собраний и слова» [68].

Центральной темой, по которой практически не было разногласий, являлось введение предметной системы, которая была призвана заменить курсовую с соответствующими полукурсовыми испытаниями [35, 68, 69]. Суть дела лучше всего передал профессор А.А. Иностранцев в интервью «Биржевым ведомостям»: «Одним из необходимых актов предстоящей реформы я признаю введение предметной системы. Это облегчило бы и студентов, и профессоров. Первым оно дало бы возможность изучать науку, не стесняясь подгоняющим, а иногда и сдерживающим расписанием, а профессорам позволило бы исподволь и обстоятельно проверять знания студентов, не заставляя их играть ту странную комедию, которая происходит теперь на экзаменах» [11]. Большим вопросом стала и тема прав «государственной службы» выпускников университетов. Интересно, что когда дело дошло до реального обсуждения этого вопроса, решительно поддержали отмену этих прав только крайне правые, например, князь В.П. Мещерский [31]. «Новое время», например, заявляло, что это «немедленная мера» имела бы «тяжелые последствия для лиц,

получивших образование, и являлась бы по отношению к ним большою несправедливостью» [70]. Между тем, в многочисленных обсуждениях «университетского вопроса», проходивших с конца 1890-х гг., это был важный пункт либеральной программы университетских преобразований, поскольку отказ от особых прав выпускников не только отражал демократические настроения общества, но и представления об академической автономии университетов, в том числе от государства и государственного заказа.

Проблема взаимодействия «старших» и «младших» преподавателей, которая, как известно, была большим вопросом в российской высшей школе, получает не слишком заметное развитие в прессе. «Новое время» вполне сочувственно рассказывает об идее упразднить различия между старшими и младшими, которое возникло среди членов петербургского общества, приват-доцентов и лаборантов [43, ср.: 71, 50]. Интересно, что «Биржевые ведомости» пишут о том же собрании общества и о его результатах более осторожно [72]. Впрочем, одной из особенностей петербургской «левой» профессуры была поддержка идеи предоставления больших прав «младшим» преподавателям, и либеральная пресса Петербурга эту позицию в целом поддерживала [73]. Вообще, разумеется, собрания младших преподавателей, как дело в большей степени внутрикорпоративное и не слишком массовое, привлекали значительно меньше интереса, чем студенческие сходки. Тем не менее, в хронике периодически присутствовали сообщения об очередных решениях младших преподавателей, суть которых – предоставление им голоса в университетском самоуправлении [55, 74].

Другой «больной вопрос» университетской жизни – о приеме женщин в университет, в котором сходятся практически все – женщинам в университет дорога должна быть открыта [11, 75, 76]. Правда, аргументы, помимо защиты «гражданских прав», выдвигаются разные. Например, «Новое время» вслед за либеральным «Словом» подчёркивает, что «полное и систематическое невежество русских женщин в вопросах права является очевидным злом» [77].

Университет и революция

О митингах в стенах Петербургского университета рассказано в литературе много. Что нового в наши представления может внести периодическая печать?

Правые стояли на академической позиции отделения науки от политики, заявляя, что бастовать теперь означает не беречь университет: «Мы можем положительно сказать, что забастовка студентов была бы теперь крупною политической ошибкою, пагубной для академической свободы и просвещения» [78 ср.: 42].

Однако автономии «правые» расценивали, как шаг к успокоению общества, который, разумеется, сам по себе недостаточен для успокоения университета, но в том то и дело, что университет должен успокоиться с успокоением общества. Вот как, например, трактовало «Новое время» резолюцию Совета университета, относительно «Временных правил», основной пафос которой, по мнению либеральной прессы, заключался в констатации ее ограниченности и призыве власти к дальнейшим реформам: «Резолюция совета профессоров, принятая единогласно, в общих чертах такова: автономия университета составляет только первый шаг к устройению университетской жизни, столь нуждающейся в правильном своем развитии, и в этом отношении новая реформа должна быть приветствуема. Но сама по себе автономия не может служить гарантией в том, что прискорбные явления, имевшие место в университетской жизни в течение целого ряда лет и особенно обострившиеся в прошлом учебном году, более не возобновятся и правильное течение дел не будет нарушено.

Студенческие волнения возникли на почве общеполитического движения и для предотвращения подобных явлений необходимо общее успокоение общества, необходима возможность самостоятельной и спокойной работы, почему законодательные меры о неприкосновенности личности, свободе слова, печати и собраний представляются неотложными. Эта резолюция совета профессоров будет опубликована в точных ее выражениях лишь по подписании журнала совета» [79].

Разумеется, автономия понималась в либеральной печати, прежде всего, как одна из реформ. Более того для закрепления автономии было необходимо представительство профессуры в Государственной думе. Приведем в этом контексте отрывки из интервью нового декана физико-математического факультета – В.М. Шимкевича: «на первую очередь советам следовало бы заняться вопросом о представительстве университетов в Государственной Думе»; «автономия нам дана, но до полной академической свободы еще далеко, и нет сомнения, что университетский вопрос будет еще предметом дебатов в Государственной Думе. И вот может случиться, что в Государственной Думе не будет ни одного человека, компетентного в этом вопросе, ни одного профессора» [69, ср.: 60].

Нельзя не отметить, что хотя либеральная печать первоначально благожелательно сообщала о политических сходках в университетских стенах [См., напр.: 80–82], начиная с 20-х чисел сентября, в либеральных газетах начинают появляться в разных формах заявления о необходимости «беречь университет». Например, «Биржевые ведомости» 21 сентября дают изложение речи проф. Л.И. Петражицкого: «Нет никакого сомнения, что без лекций невозможно существование университета. Я знаю, что в сферах, от которых зависит управление университетом, существует решимость не допустить прекращения лекций. Не касаясь мотивов, вызвавших такое решение, я, как ученый, должен сказать, что усматриваю здесь отсутствие уважения к науке. Однако не всегда наши планы осуществляются. Участие посторонних лиц в сходках заставляет меня выразить опасение за дальнейшую судьбу университета. Начальство принуждено будет закрыть его. Психологи говорят, что до тридцати лет в человеке совершается формирование типа мышления. Необходима постоянная работа ума, чтоб это формирование совершалось закономерно. В такой период перерыв научной работы должен причинить невознаградимую потерю». Профессор закончил свою речь пожеланием, чтобы этого перерыва не было, чтобы студенчество постаралось не вызвать его, помня всегда о «необходимой осторожности» [83].

Понять что-либо из этих рассуждений Л.И. Петражицкого сложно. «Новое время» трактовало их в том смысле, что «студенты все-таки должны быть более осторожны, так как факты, вроде присутствия посторонних лиц в университете, могут неприятно отразиться на университете». Затем профессор высказался против «перерывов в академической жизни университета и просил студентов удерживаться от них» [84]. Не очень конкретными, но очевидно более «радикальными» были построения Е.В. Тарле, который в партийности университета видел только позитивные черты. Его интервью помещено в том же номере «Биржевых ведомостей», что и речь Л.И. Петражицкого. Характерно, что либеральная пресса систематически именует Е.В. Тарле «профессором», несмотря на его приват-доцентский статус. «Один из наиболее близких учащейся молодежи профессоров, Е.В. Тарле, известный своей литературной деятельностью, следующим образом развил нам свою точку зрения на вопрос о студенческих организациях: – Я полагаю, что высшая школа будет служить зеркалом жизни, поэтому все те группировки общественных элементов, ко-

торые наблюдаются у нас в настоящее время, будут иметь место и в университете. Студентов будет объединять не принадлежность к какой-либо национальности, религии или землячеству; несравненно более связующим звеном является исповедование одной и той же социальной религии, одно и то же отношение к вопросам общественного и экономического порядка. Неизбежность такой партийной дифференциации лежит вне всякого сомнения. Но так как университет представляет одно целое, то необходим обратный процесс, именно – интеграция всех противоположных воззрений, осуществляемая в лице какой-либо представительной комиссии от всех партийных фракций, существующих в университете. Мнение большинства этой комиссии является обязательным для всего университета; она же вступает в сношения с комиссией профессоров, для решения сообща вопросов университетской жизни, касающейся студенчества. <...> Если в сознании студентов и профессоров твердо водворится мысль, что, кроме них, никому нет дела до университета, если у них выработается “привычка мысли” – “habitofthinking”, как удачно называют англичане, – то всякие возникающие конфликты, буде таковые окажутся на почве различия возрастов, темпераментов и взглядов, станут решаться домашним путем, не выходя за стены школы. И это неизбежно должно прийти» [85].

На следующий день та же газета приводит очередной патетический пассаж «профессора», каждая лекция которого превращалась в театральное шоу: «Полагаю, что, будет ли университет открытым, или забастовка продолжится – за науку опасаться нечего. Польза науки, ее необходимость, острая и насущная в наше критическое время, слишком очевидны <...> Наука теперь не слишком верит в силу единичной личности; теория героев, увлекающих за собой сильно верующую толпу, – теория несостоятельная. Только сознательность возможно более широких масс способна создать великое в истории» [86].

Через несколько дней «Биржевые ведомости» перепечатают политически близкую им передовицу из «Нашей жизни» относительно университетских событий: «Университеты и все высшие учебные заведения являются в настоящее время местом шумных, многочисленных собраний, принявших характер общеполитических митингов. В обществе склонны видеть в этом явлении нечто ненормальное, экстраординарное. Следует, однако, объективно разобраться в этом явлении, чтобы отнестись к нему справедливо. Учащаяся молодежь переживает теперь весьма сложный момент, определяющийся целым рядом причин. В чисто академических отношениях она переживает период реакции против того режима, который годами и десятилетиями давил молодежь. Как и всегда, экспансивно, нервно, торопливо, она стремится осуществить свои давнишние желания, стоившие ей еще так недавно стольких жертв, устранить все то и всех тех, кто является выразителем старого порядка. Отсюда вполне понятно страстное желание студенчества сказать свое слово и повлиять на профессию в деле реорганизации административной и учебной части высших учебных заведений. Большинство постановлений петербургского студенчества в этой сфере не выходит из пределов резолюций и решений академического союза. Молодежь, таким образом, констатировала свою солидарность с прогрессивной частью профессуры и этим дала последней основание все свои мероприятия строить не без общего сочувствия и общей приемлемости» [87].

Продолжает тему «университетской автономии» в не-свободной стране Ф. Тусенин в статье «Университетские митинги», помещенной в последнем сентябрьском номере «Биржевых ведомостей». Основная мысль статьи в том, что обвинения в адрес студенчества беспочвенны, поскольку оно является частью общества, и его позиция естественна

и связана с благородными порывами, причиной же присутствия на митингах в университете посторонней публики автор видит запрет на свободу собраний, который мешает обществу проявлять свою позицию. Автор заключает: «Из “университетской автономии” с событиями, уже воследовавшими и имеющими, несомненно, воследовать, вывод один: без истинной, повсеместной свободы собраний и слова, – свободы, как всеобщего права, а не как частной привилегии, – дальше жить невозможно» [88].

Однако уже в первой декаде октября все громче звучат нотки раздражения и тревоги по поводу разгулявшейся в университетских стенах «демократии». 6 и 7 октября появляются почти идентичные заметки в «Русских ведомостях» и «Биржевых ведомостях», смысл которых повторяется и «Новом времени» [89–91]. Газеты передают заявление Советской комиссии и ректора университета, которые «обращаются к благоразумию общества и студенчества и вместе с тем слагают с себя всякую ответственность за последствия» продолжающихся митингов [90].

Разумеется, что журналисты всех направлений не забывают и тщательно фиксировать происходящее. В этом смысле, сохранившиеся в печати зарисовки – ценный источник не только для воссоздания атмосферы, но и фактуры событий. Репортажи с революционных митингов отличаются насыщенным, иногда детализированным описанием, пусть даже иногда скорее ироничным и осуждающим, нежели одобрительным. Вот, например, отрывки картины, которую рисуют перед читателем «Биржевые ведомости» в репортаже 12 октября: «Невиданное зрелище представлял собой вчера вечером наш университет <...>. Университетская набережная залита сплошной массой народа,двигающегося к университету и входящего в различные двери <...>. Толпы все прибывают, количество всей публики, находящейся в стенах университета, доходит до 40–50 тысяч человек <...>. Настроение царит приподнятое <...>. На митинге присутствует около 2000 человек. Преобладает партия социалистов–революционеров. Главный элемент – рабочие. Обсуждается животрепещущий вопрос о политической забастовке <...> рабочему классу, представителю противоположных классовых интересов, необходимо объединиться под знаменем, которое будет гарантировать ему не только завоевание политических свобод, но и максимум экономических реформ <...>. Битком набитый зал. Публика самого смешанного характера <...>. Выступают ораторы крайних партий <...>. Сочувствия, однако, речи этих ораторов не встречают <...> в Х аудитории идет митинг приказчиков <...>. В XIII аудитории университета вчера происходил митинг гимназистов. Кроме последних было много учениц средне-учебных заведений и посторонней интересующейся публики <...>. Порядок дня был выработан следующий: 1) посещать ли гимназистам митинги; 2) отношение гимназистов к текущим событиям <...>. Огромная часть публики, не имевшая возможности попасть в какую-либо аудиторию, собирается в университетском дворе в количестве 5000 человек, почти исключительно из рабочих. Тут же воздвигается деревянная трибуна и, таким образом, открывается первое по своей многочисленности собрание в России <...>. Состав публики все время меняется, так как прибывают новые толпы, с напряженным вниманием и при удивительной тишине, выслушивающие речи ораторов [92].

В прессе присутствуют отдельные репортажи и сообщения с митингов и собраний железнодорожников [93], приказчиков [94, 95], часовщиков [96], рабочих-судостроителей [96], служащих в столичных банках и конторах [95], рабочих Санкт-Петербургского порта [96], гимназистов [97], писателей, фармацевтов, инженеров, рабочих печатного дела [59], адвокатов [59], прапорщи-

ков запаса, рабочих заводов, дворников, городских [59], дантистов, рабочих Балтийского завода, ювелиров, «служащих в ресторанах, трактирах, кофейнях» [98], «служащих в правительственных учреждениях» [99], журналистов, «фотографов, банковских служащих и военных» [100] и других. Фактически в ряду митингующих в университете были представлены все профессиональные союзы и социальные группы. Есть и курьезные эпизоды, например, на митинг пемназистов попытался «проникнуть» директор одной из петербургских гимназий, его заставили удалиться [101].

Один из постоянных вопросов, которые поднимают либеральные издания, в первой половине октября – об освобождении университетских зданий от митингов, для которых необходимо отвести отдельные помещения [102, 103].

Наконец, и власть в лице ее наиболее популярных в обществе представителей, к этим призывам прислушалась. По крайней мере, так дело передает «Петербургский листок» в заметке от 11 октября: «Далее обсуждался вопрос, как освободить помещения высших учебных заведений от подобных митингов. Граф Витте решительно высказался за свободу собраний. Совет министров в ближайшем будущем займется этим вопросом, будут указаны определенные помещения для свободных собраний, как напр., большие манежи. Если и тогда будут все же продолжаться митинги в высших учебных заведениях, то они временно будут закрыты» [102].

Правила о публичных собраниях были изданы 12 октября, за тем последовало официальное правительственное распоряжение о недопустимости продолжения их в университете [104]. Однако новых митингов эти правила не предотвратили. Вот, например, описание масштабного митинга 13 октября, помещенное в выпуске «Биржевых ведомостей» за 14 октября – самый разгар событий: «Громадная толпа заполонила весь университетский двор<...>. Здесь не менее пяти-шести тысяч народа. Импровизированная трибуна – громадные склады каменного угля – не может вместить всех ораторов. Сооружается трибуна из досок, на которую влезает рабочие. В темноте виднеются лица слушателей, озаряемые вспыхивающими папиросами. Царит гробовое молчание, при котором каждое слова оратора отдается в самых отдаленных уголках двора. Говорят о дальнейшей тактике борьбы. Нужно, говорят они, организовать; пока же нет правильных организаций – нужно бездействовать. Параллельно с Государственной Думой, которая соберется в январе, ораторы предлагают создать собственные выборы. Не стесняясь приемами, следует провести своих кандидатов в Думу. В другой части двора, ближе к столовой, собирается второй народный митинг. Здесь говорят представители различных политических партий, знакомящие слушателей с платформами своих единомышленников [105].

Другое не менее яркое описание того, что происходило внутри университета в этот день, дает «Петербургский листок»: «Двадцатитысячная толпа буквально залила все аудитории, а с недостатком места в помещениях, митинги открывались в коридорах и на дворе. Мы не приводим описания отдельных митингов потому, что профессиональные нужды совершенно ступевались и отошли на задний план. Цилиндры и картузы, изящные шляпки и платки, тяжелые сапогища и модные лаковые ботинки, сюртуки и чуйки – все это смешалось, перепуталось, слилось в одну фантастическую, странную массу, облитуя волнами электрического света. Вся эта разнокалиберная масса, начиная от толстого буржуа, анемичного чиновника и сурового рабочего, охваченная одним интересом, одними мыслями, то смолкает перед появившимся на кафедру оратором, то бурно выражает свой восторг речам. Нет дебатов, нет вечных страстных споров между «большин-

ством» и «меньшинством», между социал-демократами, социалистами-революционерами.

Улетучились все программные тонкости, речь льется просто и плавно из груди и сердца оратора.

– Так, так, молодец-товарищ! – аплодирует какой-то маляр со свежими следами извести и мела на платье.

– Говорите проще <...>. Что делать? Как быть завтра? И оратор толково и ясно объясняет.

– Товарищи, мы не должны без толку толпиться на улицах! – говорит какая-то изящная барышня с трибуны.

– Правильно! – подхватывает тот же маляр, – зачем толпиться без толку, – продолжает он, обводя добродушными глазами товарищей.

– Тише, тише, дайте слушать.

Добродушный маляр шлепает губами и сконфуженно умолкает.

– Товарищи, если вас будут подстрекать к грабегам и беспорядкам, – продолжает оратор, – не делайте этого, не слушайте таких людей, ибо это враги рабочих, они нарочно подводят вас и наталкивают на неприятности. Если бастуете, то бастуйте спокойно, слушайте тех, которым доверяете.

– Товарищи, расходитесь без шума, на улице петь нельзя, – просит председатель.

– А здесь можно?

– Можно.

– Затянем?

И дружная песня оглашает своды университета. Дирижирует такой гигант-рабочий, размахивая огромными мускулистыми руками» [98].

На следующий день продолжился калейдоскоп митингов и собраний представителей различных политических партий и профессий как в стенах университета, так и в университетском дворе [См., напр.: 100]. Надо, впрочем, сказать, что из-за забастовки газеты или вовсе перестали выходить или печатались в эти дни с перебоями. Однако из других источников известно, как постепенно «митинги» стали переходить от слов к делу, т. е. от призыва к вооруженному восстанию к фактической раздаче оружия [106, с. 24]³ и созданию т. н. дружин самообороны [108, с. 27]. Одновременно звучали и активные призывы социалистов-революционеров к «организованному террору» и «к террору по личной инициативе против отдельных агентов правительства» [109]. Между тем, все это не помешало Совету университета решительно воспротивиться его закрытию по инициативе правительства [110, 111].

В этих условиях политика Совета столичного университета, по существу, не оставляла министерству выбора. В тот же день, когда Совет отказался закрыть университет (15 октября), после доклада ректора министр В.Н. Глазов заявил, что «раз Совет университета не находит мер к предотвращению собраний посторонних лиц в помещениях Университета и не прекращает занятий на некоторое время, Университет должен быть закрыт по распоряжению Министра» [112], о чем и последовало немедленное распоряжение попечителю Петербургского учебного округа П.П. Извольскому [113]. Утром 16 октября И.И. Боргман получил соответствующее предписание П.П. Извольского и распорядился закрыть университет, подав при этом министру прошение об отставке (которое впоследствии по просьбе Совета было дезавуировано автором). Примечательно, что ректор не озаботился одновременно

³ В студенческой листовке, составленной от имени Объединенной студенческой организации при ПК РСДРП, широко распространявшейся в октябре 1905 г. в университете, кратко и доходчиво излагались лозунги: «Вооруженное восстание. Временное революционное правительство. Революционная армия» [107, с. 264].

закрытием студенческой столовой (одно из главных мест сходов)⁴, «наивно» мотивируя это тем, что «в вышеприведенной бумаге о закрытии университета о закрытии столовой не упоминалось», а также заботой о том, чтобы студенты получали пищу, что «было особенно важно ввиду сильного вздорожания пищевых продуктов» [112, с. 147]⁵. В результате столовая оказалась блокирована полицией, причем студенты, члены «Столовой комиссии» [См.: 120, 121] и «старосты», оказавшиеся в тот момент в ней, отказывались выходить, а отправившегося на переговоры со студентами профессора Ф.Ф. Зелинского («дежурного профессора», назначенного Советской комиссией) в здание не пустила полиция [112, с. 148].

Таким образом, в момент издания манифеста 17 октября и в последующие дни университет был закрыт, однако, это не остановило ни грандиозного митинга в университетском дворе, ни выступлений ораторов с университетского балкона, ни, к сожалению, крови, которая здесь пролилась, когда митинг пыталась разогнать кавалерия («Два студента были изрублены» [122]). Впрочем, в условиях дефицита информации, связанного, в том числе с задержкой или отменой выхода ряда печатных изданий, случались и курьезы. Так «Русские ведомости» похоронили Е.В. Тарле, получившего ранение в ходе демонстрации: «В одном из столкновений манифестантов с полицией был ранен, а затем скончался от кровоизлияния в мозг, приват-доцент Петербургского университета, молодой, но уже успевший составить себе имя, историк, Евгений Викторович Тарле» [123].

Разумеется, правые революционные митинги в университете как явление осуждали решительно и с самого начала событий. Однако и это осуждение проходило во вполне мирных тонах. Вот, что, например, пишет 13 сентября «Новое время»: «В «Руси» студент Николай Леев констатирует, что огромное большинство общестуденческих сходов кончается приблизительно одинаковым постановлением inextensor таким: Высшие учебные заведения должны быть открыты: 1) для правильных академических занятий и 2) для собраний политического характера. Первое постановление понятно, но второго, вероятно, не в состоянии будет объяснить ни Жорес, ни Бебель. Это совсем новая политическая платформа. Политические собрания в самых свободных странах (Англия, Франция, Швейцария) происходят в парламентах, в клубах, в концертных и театральных залах, в гостиницах, в манежах, даже на площадях и в парках, но только не в зданиях университетов и высших учебных заведений. Если гг. студенты в этих странах и участвуют (очень редко!) в собраниях политического характера, то не в качестве студентов, а просто в качестве граждан. Почему же русские студенты хотя бы устроили из университетов помещения для политических собраний? В университетах учатся, а в парламентах занимаются политикой. Гг. студенты особенно должны проникнуться этим сознанием теперь, когда по окончании курса, им предоставлена возможность к широкой и свободной политической деятельности» [124].

В прессе ярко отразилось отличие в позициях Московского и Петербургского университетов. Например, «Новое время» основание своей позиции находит в точке зрения «Русских ведомостей»: ««Русск.Ведом.» продолжают защищать университетские стены от вторжения в них политики. Может ли студенчество в его массе разделять

мнение, что главное призвание слушателей высшей школы заключается теперь в том, чтобы произносить в аудиториях речи и составлять радикальные резолюции, хотя бы это и мешало ходу учебных занятий? Во всяком случае, нетрудно убедиться, что на таком пути долго и далеко идти нельзя. Путь этот, если он был избран, должен был бы неизбежно повести к закрытию университета, так как понятно, что если учебные занятия не в состоянии будут наладиться и встретят помеху в своем правильном ходе, то совету не останется ничего другого, как закрыть университет. Но тогда и студенчество, как коллективное целое, вынуждено будет рассеяться, а затем и сам университет должен будет пасть» [125].

Эта тема была продолжена газетой в ряду комментариев, следовавших за кончиной ректора Московского университета кн. С.Н. Трубецкого, чья смерть стала очередным поводом для спекуляций как в либеральной [126–129], так и правой печати. «В беседе с министром С.Н. между прочим, говорил о необходимости единения в действиях профессорских советов», – доверительно сообщает «Новое время» 1 октября, – «иначе разрешение митингов в Петербурге и противодействием в Москве вызывают естественное неудовольствие студентов» [130].

С ростом митингов более жесткий характер стали принимать и оценки газеты: «То, что происходит теперь в стенах университетов Москвы, Петербурга, не говоря уже о Киеве, доказывает самым положительным образом, что те, кто и высшими учебными заведениями желает пользоваться, как орудием политической агитации и пропаганды, твердо решили не дать возможности университетам возродиться к трудовой жизни <...>. С их точки зрения, академическая «автономия» отождествляется с академической «автократией», которую они и намерены применить, давая желаемое направление академической «жизни». В этом смысле составлены резолюции, принятые социал-революционной партией студентов Московского университета. По множеству посторонних лиц, в числе которых было немало неучащихся и недоучившихся до представителей рабочих включительно, сходки эти нельзя признать студенческими сходками. <...> Только широкая гласность поможет той части студенчества, которая сознает весь вред для страны ничегонеделанья, прочно организовать для того. Чтобы отстоять университет от захвата их революционерами qnandmete» [131].

Отвечая на эту «клевету» в адрес студенчества «Биржевые ведомости» «Русские ведомости» старались не задевать, но «Новому времени» доставалось по полной программе: ««Новое время» продолжает изрыгать по адресу волнующейся университетской молодежи свою ядовитую слюну» [132].

Надо, впрочем, подчеркнуть, что даже «Новое время» в самый разгар революционных митингов в университетских стенах придерживалось идеи о незыблемости автономии. Вот, например, характерные цитаты из статьи «Самозащищающиеся корпорации», помещенной в номере за 8 октября: «Об учебных занятиях в университетах, конечно же, так же невозможно сейчас говорить, как и о деньгах в опустевшей кассе. «Их нет» – приходится констатировать. Кроме того, совершенно очевидно, что восстановить их, при помощи, например, репрессий или передачи управления университетов из рук профессоров в руки министерской администрации, нет возможности <...> Анархия, если и сладка для истомленных членов связанного тела первые часы и дни свободы, то, затягиваясь дольше, она вызывает нестерпимое раздражение во всех, кто близко с ней соприкасается. Наступает здоровая реакция после пережитой лихорадки, наступает такое неодолимое движение к покою и порядку, которое раздавливает всякое

⁴ Университетская столовая в годы революции превратилось в настоящий центр революционного движения в столице [см.: 114, с. 18, 115, с. 18, 116, с. 91, 117, с. 66].

⁵ Как впоследствии выяснила т. н. «Столовая комиссия», деятельность студенческой столовой с сентября 1905 по февраль 1906 г. принесла университету убыток свыше 9 тыс. руб. [См.: 118, 119].

сопротивление. <...> Профессора, продолжающие читать лекции, и слушатели, продолжающие их слушать, когда им в лицо раздаются угрозы и кругом стоит невообразимый шум и беспорядок, все это проявление такой учебной и ученой твердости и стойкости, какой еще вчера не было. Совет профессоров Петербургского университета сделал совершенно необходимое представление о том, чтобы для рабочих митингов, с примесью лишь доли студентов, было отведено где-нибудь помещение в стороне от университета, ибо этот последний они просто и физически заняли для своих дебатов, чему, конечно, профессорская коллегия никак не могла воспрепятствовать по отсутствию для этого и физических, и всяческих средств. <...> Но – терпение на несколько минут: пусть именно сами профессора и пусть именно спокойная часть студенчества попросят освободить себя от соседства с нагайками, криками и шумом. Первое же прикосновение внешней посторонней силы все здесь испортит и остановит начавшийся процесс оздоровления. Пусть этот процесс окрепнет, созреет и дойдет до конца» [133].

На газетных страницах, разумеется, периодически мелькают названия революционных партий, действовавших в университете. Однако надо подчеркнуть, что их упоминание, как правило, носит контекстный характер – сведения о них, об их партийных органах в прессу почти не проникают. Напротив, одна из любопытных тем, отраженных в печати и фактически не оставивших следов в других типах источников – деятельность т.н. «партии Центра» – прогрессивных либеральных студентов, противостоявших «крайне левой» [134]. Интересно, что этим студентам, очевидно, симпатизирует и «Новое время», которое рассказывает о том, как сходки этой группы студентов срываются их радикально настроенными оппонентами [135]. Эта группа студентов, вероятно, составляет «Союз студентов Петербургского университета», имеющего целью объединение студентов на почве признания за университетом единственной задачи «служить целям науки», о создании которого «Новое время» повествует в заметке 22 сентября [50, ср.: 136]. Спустя десять дней в «Петербургской газете» вновь идет речь об «академистах» или «партии Центра» [137]. Отметим также еще одно обстоятельство, связанное с тем, что в литературе практически не поднималась тема университета как центра национального движения в России в годы революции. Между тем примерно 10% публикаций об университете рассматриваемого периода связано с деятельностью национальных студенческих организаций (прежде всего польской, еврейской и украинской)⁶.

***

Материалы данного очерка позволяют сделать ряд наблюдений и выводов о прессе не только как об историческом источнике, но и как о факторе общественно-политических процессов эпохи революции 1905–07 гг. Университетская перестройка – первая реальная реформа, являвшаяся результатом давления на власть, и в этом смысле первое достижение революции, реализованное на практике. Именно этим обстоятельством, с нашей точки зрения, и объясняется столь существенное внимание к ней прессы всех направлений, которое даже больше чем внимание собственно к революционным событиям в университете. В то же время на страницах газет ярко и образно показана атмосфера «организованного хаоса», за которым стояли революционные партии.

Прежде всего, нельзя не отметить, что обращение к периодической печати позволяет лучше понять природу формирования тех или иных концептов эпохи. Так, курсы правой печати, выступающей за «университетскую автономию» и одновременно за «университеты для науки», прямо перекликаются с высказываниями таких признанных борцов за академическую независимость высшей школы как Д.И. Менделеев. В этом контексте анализ прессы сентября – октября 1905 г. показывает, как происходило рождение нового академизма, который в условиях автономии становится контрреволюционной силой. Расхождение между старым и новым академизмом особенно отчетливо обозначилось в Петербурге, где в отличие от Москвы, профессора университета, пусть и не без колебаний, становятся на сторону расширительного толкования автономии университета не только в академическом, но и в политическом смысле, отказываясь закрыть университет и, тем самым, превращая его территорию в бастион революции. Несомненно, этому способствовало то общественное давление, которое испытывала корпорация, в том числе через ведущие либеральные издания столицы.

Демонтаж «старого порядка» в университете, ход которого был отражен на страницах печати, можно рассматривать и как своеобразный эксперимент, где университет стал своеобразной моделью российского общества. Этот эксперимент наглядно продемонстрировал, что помимо торжества крайних, социалистических идей, такой демонтаж будет особенно болезнен и с точки зрения национального вопроса, который оказался одним из центральных для университетского студенчества. Проблема национальной самоидентификации молодых поколений интеллектуальной элиты империи нашла в прессе яркое отражение, показав ее ценность как исторического источника в изучении национального вопроса и процесса «конструирования наций».

Итак, ключевым пунктом университетской перестройки была реализация на практике давно вынашиваемой и обсуждаемой в обществе идеи университетской автономии. При различиях в трактовке этого понятия пресса всех направлений сходилась в понимании автономии как средства спасения университетов для науки и общества. При этом анализ печати показывает, что в общественном сознании автономия предполагала придание университетам особого статуса, их изъятие из общей юрисдикции, что, разумеется, и делало их местом проведения революционных митингов. Для правой печати эта ситуация затрудняла критику как самих митингов, так и позиции профессуры, либеральной же печатью эти митинги, отчасти воспринимались как позитивный фактор, ведь автономия рассматривалась как элемент освобождения общества в неразрывной связи с другими преобразованиями. При этом ни либеральные, ни правые газеты, поддерживающие автономию, по разным причинам долгое время не замечали (не хотели замечать) лидирующей роли социалистических партий в митинговой жизни университета. Таким образом, нельзя не отметить, что пресса превращается в своеобразное кривое зеркало, в котором отражен обманчивый образ автономного университета как «одной семьи». То, что в этот контекст не вписывается, зеркало пытается либо игнорировать, либо представить в ложном свете. Так, например, «разобщенность профессоров и студентов» представляется последствием устава 1884 г. и явлением временным, формирование проскрипционных списков контрреволюционных профессоров находится на периферии внимания печати, подчеркивается, что их рассмотрение отложено.

С нашей точки зрения, именно кривое зеркало прессы, солидарной в благожелательном отношении к «автономии»

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
(культурное наследие, музейные коллекции, биографии)

⁶ Данной проблеме посвящена наша отдельная статья [138]

университета, заставляло власть медлить с принятием решения об его закрытии, в то время как всем было очевидно, что автономия служит прикрытием революции. Власть приняла это решение только тогда, когда и в кривом зеркале в полной мере отразилась фактура и атмосфера революционной фронды. Правда в этот момент события достигли такого накала, что и зеркало на время «треснуло» – в усло-

виях общенационального кризиса 1905 г. периодические издания фактически прекратили выходить. Таким образом, приведенные наблюдения показывают, что российская пресса не только в определенном преломлении отражала события, разворачивающиеся в университетских стенах, но и сама являлась важнейшим фактором революционного процесса.

Источники и литература:

1. Павлицкая Н.И. Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // Вестник ЛГУ. 1948. № 11. С. 138–156.
2. Сладкевич Н.Г. Петербургский университет в 1905 г. // Вестник ЛГУ. 1955. № 3. С. 23–35.
3. Энгель Г.А. 1905 год и студенческое движение в Петербурге // Ленинградский университет в воспоминаниях современников: В 3 т. / Под ред. В.В. Мавродина. Л.: 1982. Т. 2: Петербургский-Ленинградский университет. 1895–1917. С. 68–72.
4. Яковлев В.П. Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // Вестник ЛГУ. 1980. № 2. История, языкознание, литература. Вып. 1. С. 19–25.
5. Ростовцев Е.А. Профессорская коллегия столичного университета в 1905 г.: «революция» на службе «корпорации» // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Материалы междунар. науч. конф. 23–25 июня 2009 г. / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, И.Л. Тихонов. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского университета. СПб.: 2010. С. 162–179.
6. Генерал-губернатор С.-Петербурга Д.Ф. Трепов – министру народного просвещения В.Г. Глазову, 14 октября 1905 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233 а. Д. 3. Ч. 26. Л. 33.
7. Ленин В.И. Всероссийская политическая стачка // Ленин В.И. ПСС. М., 1960. Т. 12. С. 1–4.
8. Бондаревская Т.П. Большевицкая организация университета в революции 1905–1907 гг. // Петербургский университет и революционное движение в России / Отв. ред. Н.Г. Сладкевич. Л., 1979. С. 67–80.
9. Ростовцев Е.А., Андреева В.В. Петербургский университет 1905 г. в зеркале периодической печати // Клио. 2014. № 10. С. 3–14.
10. Университетская автономия (Беседа с приват-доцентом В.Н. Сперанским) // Петербургская Газета. 1905, 14 сентября. № 224. С. 3.
11. О новом университетском уставе. Мнение проф. А.А. Иностранцева // Биржевые ведомости. 1905, 2 (15) сентября. № 9009. С. 2.
12. Ростовцев Е.А. Столичный университет в фокусе министерской политики (1884–1890) // Клио. 2013. № 10. С. 57–64.
13. Фельетонные отрывки. Из недалекого прошлого. Г.Яблоновский в «Русском слове» // Биржевые ведомости. 1905, 22 сентября (5 октября). № 9044. С. 4.
14. В высших учебных заведениях // Петербургский листок. 1905, 3 (16) сентября. № 232. С. 2.
15. В совете профессоров // Биржевые ведомости. 1905, 3 (16) сентября. № 9011. С. 1.
16. Из газет. Наиважнейший принцип университетской реформы // Биржевые ведомости. 1905, 3 (16) сентября. № 9012. С. 4.
17. Из газет. Резолюция совета Петербургского университета по поводу указа 27 авг. // Биржевые ведомости. 1905, 7 (20) сентября. № 9018. С. 3.
18. Эсбе. К университетской реформе. Беседа с проф. Гезехусом // Биржевые ведомости. 1905, 8 (21) сентября. № 9020. С. 3.
19. У новых деканов (Из бесед) У профессора Л.И. Петражицкого // Петербургский листок. 1905, 13 (26) сентября. № 242. С. 2–3.
20. Меланхолик. Эхо // Петербургский листок. 1905, 6 (19) сентября. № 235. С. 2.
21. Анзимиров В. Ненужный «институт» // Биржевые ведомости. 1905, 7 (20) сентября. № 9017. С. 1.
22. Хроника. Распространение учебной автономии на все высшие школы // Биржевые ведомости. 1905, 7 (20) сентября. № 9017. С. 3.
23. Протей. Дневник // Биржевые ведомости. 1905, 7 (20) сентября. № 9018. С. 2–3.
24. Из газет. В каких формах желательно общение профессоров и студентов // Биржевые ведомости. 1905, 8 (21) сентября. № 9020. С. 4.
25. Студенческие дела. Начало занятий в университете // Биржевые ведомости. 1905, 20 сентября (3 октября). № 9039. С. 3.
26. Розанов В. К университетской реформе // Новое время. 1905, 7 (20) сентября. № 10602. С. 3.
27. Среди газет и журналов // Новое время. 1905, 7 (20) сентября. № 10602. С. 3.
28. Среди газет и журналов // Новое время. 1905, 15 (28) сентября. № 10610. С. 3.
29. Розанов В. Тревоги и надежды университета // Новое время. 1905, 18 сентября (1 октября). № 10613. С. 3.
30. Из газет. Университетская автономия // Биржевые ведомости. 1905, 1 (14) сентября. № 9008. С. 4.
31. Среди газет и журналов // Новое время. 1905, 2 (15) сентября. № 10597. С. 3.
32. Из газет и журналов // Новое время. 1905, 9 (22) сентября. № 10604. С. 3.
33. Профессорский съезд. Москва, 1-го сентября (По телефону от нашего корреспондента) // Биржевые ведомости. 1905, 2 (15) сентября. № 9009. С. 2.
34. М-лик. Среди студентов // Петербургский листок. 1905, 2 (15) сентября. № 231. С. 2.
35. О новом университетском уставе. Мнение профессора Ф.Ф. Зелинского // Биржевые ведомости. 1905, 2 (15) сентября. № 9009. С. 2.
36. Протей. Дневник // Биржевые ведомости. 1905, 7 (20) сентября. № 9018. С. 2–3.
37. В-цкий. План нового ректора. Беседа с профессором Ив.Ив. Боргманом // Биржевые ведомости. 1905, 10 (23) сентября. № 9023. С. 2.
38. Студенческие дела. В петербургском университете // Биржевые ведомости. 1905, 22 сентября (5 октября). № 9043. С. 2.
39. Студенческие дела. В Санкт-Петербургском университете // Биржевые ведомости. 1905, 28 сентября (11 октября). № 9053. С. 2–3.
40. А.Ш. К университетской реформе. Беседа с Д.И. Менделеевым // Биржевые ведомости. 1905, 17 (30) сентября. № 9036. С. 2.

41. Розанов В. Университетская реформа // Новое время. 1905, 4 (17) сентября. №10599. С. 3.
42. Среди газет и журналов // Новое время. 1905, 14 (27) сентября. №10609. С. 4.
43. Хроника // Новое время. 1905, 10 (23) сентября. №10605. С. 3.
44. Хроника // Новое время. 1905, 13 (26) сентября. №10608. С. 4
45. Студенческие дела. Сходка в университете // Биржевые ведомости. 1905, 20 сентября (3 октября). №9039. С. 2-3.
46. Листок. Случай в университете // Петербургский листок. 1905, 21 сентября (4 октября). №250. С. 3.
47. Письма в редакцию. Профессор Александр Введенский // Биржевые ведомости. 1905, 22 сентября (5 октября). №9044. С. 4.
48. Телеграфные известия // Русские ведомости. 1905, 22 сентября. №257. С. 2.
49. Университетские вести // Свет. 1905, 24 сентября. №249. С.2.
50. Хроника // Новое время. 1905, 22 сентября (5 октября). №10617. С. 3.
51. Среди газет и журналов // Новое время. 1905, 22 сентября (5 октября). №10617. С. 3.
52. Хроника // Новое время. 1905, 23 сентября (6 октября). №10618. С. 4.
53. Хроника // Новое время. 1905, 24 сентября (7 октября). №10619. С. 4.
54. Листок. Коалиционный студенческий совет // Петербургский листок. 1905, 23 сентября (6 октября). №252. С. 2.
55. Хроника // Новое время. 1905, 28 сентября (11 октября). №10623. С. 4.
56. Вчерашние сходки. В университете // Петербургский листок. 1905, 28 сентября (11 октября). №257. С. 3.
57. Университетские вести // Свет. 1905, 29 сентября. №254. С. 2.
58. Хроника // Новое время. 1905, 13 (26) октября. №10636. С. 4.
59. Хроника // Новое время. 1905, 14 (27) октября. №10637. С. 4.
60. З. У новых деканов (Из бесед) II. У профессора Ф.А. Брауна // Петербургский листок. 1905, 12 (25) сентября. №241. С. 2.
61. Университетские известия // Свет. 1905, 3 сентября. №229. С.1.
62. Университетская реформа. Мнение проф. И.И. Боргмана // Биржевые ведомости. 1905, 1 (14) сентября. №9007. С. 3.
63. Университетская реформа. Государственная служба профессоров // Биржевые ведомости. 1905, 1 (14) сентября. №9007. С. 3.
64. Хроника // Новое время. 1905, 5 (18) сентября. №10600. С. 3.
65. Среди газет и журналов // Новое время. 1905, 8 (21) сентября. №10623. С. 3.
66. Из газет и журналов. Основная тревога // Биржевые ведомости. 1905, 15 (28) сентября. №9032. С. 3.
67. Выборы ректора // Биржевые ведомости. 1905, 8 (21) сентября. №9019. С. 3.
68. Г. У нового ректора (Из беседы) // Петербургский листок. 1905, 9 (22) сентября. №238. С. 2.
69. С. З-ов. У новых деканов (Из бесед) // Петербургский листок. 1905, 11 (24) сентября. №240. С. 3.
70. Профессор-юрист. О правах и дипломах высших ученых заведений. II // Новое время. 1905, 6 (19) сентября. №10601. С. 3.
71. В высших школах // Петербургская газета. 1905, 10 сентября. №249. С.4.
72. Последние известия. Среди доцентов и лаборантов // Биржевые ведомости. 1905, 14 (27) сентября. №9030. С. 2.
73. Последние известия. Среди петербургских доцентов и лаборантов // Биржевые ведомости. 1905, 9 (22) сентября. №9022. С. 2.
74. Хроника. Заявление младших преподавателей ректору Санкт-Петербургского университета // Биржевые ведомости. 1905, 29 сентября (12 октября). №9055. С.3.
75. Хроника. Съезд ректоров высших учебных заведений // Биржевые ведомости. 1905, 8 (21) сентября. №9020. С. 4.
76. Вчерашние сходки. В университете // Петербургский листок. 1905, 20 сентября (3 октября). №249. С. 3.
77. Среди газет и журналов // Новое время. 1905, 28 сентября (11 октября). №10623. С. 3.
78. Среди газет и журналов // Новое время. 1905, 3 (16) сентября. №10599. С. 3.
79. К университетской реформе // Новое время. 1905, 3 (16) сентября. №10599. С. 3.
80. Хроника. Сходка в университете // Биржевые ведомости. 1905, 13 (26) сентября. №9027. С. 3.
81. Студенческие сходки. Сходка в университете // Биржевые ведомости. 1905, 14 (27) сентября. №9029. С. 4.
82. Вчерашние сходки. Сходка студентов в университете // Петербургский листок. 1905, 14 (27) сентября. №243. С. 3.
83. Студенческие дела. В Санкт-Петербургском университете // Биржевые ведомости. 1905, 21 сентября (4 октября). №9041. С. 2.
84. Хроника // Новое время. 1905, 21 сентября (4 октября). №10616. С.13.
85. Профессора о студенческих организациях Мнение проф. Е.В. Тарле // Биржевые ведомости. 1905, 21 сентября (4 октября). №9042. С. 3.
86. Студенческие дела. Лекция Тарле // Биржевые ведомости. 1905, 22 сентября (5 октября). №9043. С. 2.
87. Газета газет. Из передовых статей. В университетах. «Наша Жизнь» // Биржевые ведомости. 1905, 27 сентября (10 октября). №9052. С. 3.
88. Тусенин Ф. Университетские митинги // Биржевые ведомости. 1905, 30 сентября (13 октября). №9057. С.1
89. По телефону (от наших корреспондентов) // Русские ведомости. 1905, 6 октября. №261. С.2.
90. От советской комиссии Санкт-Петербургского университета // Биржевые ведомости. 1905, 7 (20) октября. №9063. С. 3.
91. Заявления от совета комиссии Санкт-Петербургского университета // Новое время. 1905, 7 (20) октября. №10630. С.3
92. Студенческие дела. Митинги // Биржевые ведомости. 1905, 12 (25) октября. №9071. С. 4.
93. В университете. Сходка железнодорожников // Петербургский листок. 1905, 12 (25) октября. №268. С. 3.
94. Студенческие дела. Митинги. Приказчиков // Биржевые ведомости. 1905, 12 (25) октября. №9071. С. 4.
95. В университете. Митинг приказчиков // Петербургский листок. 1905, 12 (25) октября. №268. С. 3.
96. Забастовки // Новое время. 1905, 14 (27) октября. №10637. С. 4.
97. Студенческие дела. Митинги. Гимназистов // Биржевые ведомости. 1905, 12 (25) октября. №9071. С. 4.
98. Митинги в университете // Петербургский листок. 1905, 14 (27) октября. №270. С. 3.
99. Листок. Митинг служащих в правительственных учреждениях // Петербургский листок. 1905, 14 (27) октября. №270. С.3.
100. В Петербурге. 14-го октября // Биржевые ведомости. 1905, 21 октября. №9076. С. 5.
101. В университете. Митинг гимназистов // Петербургский листок. 1905, 12 (25) октября. №268. С. 3.
102. Листок. Совецание о свободе собраний // Петербургский листок. 1905, 11 (24) октября. №267. С. 3.
103. Хроника // Новое время. 1905, 7 (20) октября. №10630. С. 4.
104. Новое время. 1905, 14 (27) октября. №10637. С. 1.

105. Митинги. Во дворе университета // Биржевые ведомости. 1905, 14 (27) октября. №9075. С. 2.
106. Мемуары графа И.И. Толстого М., 2002
107. Листовки петербургских большевиков. Л., 1939. Т. 1.
108. *Рогозин Н.И. Политическая борьба за молодежь России. 1903–1917. М., 1989.*
109. Записка Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице. 12 октября 1905 г. // ГАРФ.
- Ф. 102. Оп. 233 а. Д. 3. Ч. 26. Л. 32 об.
110. Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 14 октября 1905 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. СПб., 1906. С. 130–138.
111. Журнал экстренного заседания Совета Санкт-Петербургского университета. 15 октября 1905 г. // Там же. С. 139–144.
112. Журнал экстренного заседания Совета Санкт-Петербургского университета. 17 октября 1905 г. // Там же. С. 146–148.
113. Приложения к журналу заседания Совета Санкт-Петербургского университета 17 октября 1905 г. // Там же. С. 149–150.
114. *Дьяконов А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете. СПб., 1907.*
115. *Сладкевич Н.Г. В.И. Ленин и Петербургский университет // Петербургский университет и революционное движение в России. Л. 1979. С.5-22.*
116. *Тишкин Г.А. Студентки университета и слушательницы Бестужевских курсов в 1905–1907 г. // Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979. С. 81–92.*
117. *Зиборова Е.О. Студенческие переписки в Петербургском университете в начале XX в. // Клио. 2013. № 10 (82).*
118. Журнал заседания Совета СПб. университета. 16 февраля 1906 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1906 г. СПб., 1907. С. 23.
119. Общий отчет приходов и расходов по студенческой столовой им. Ф.Ф. Миллера за период от 15 сентября 1905 года по 15 февраля 1906 года // Там же. С. 33–35.
120. Отчет за октябрь 1905 г. Комиссии по заведению студенческой столовой имени проф. Ф.Ф. Миллера // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 11965. Л. 1–2.
121. О студенческой столовой при университете // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10120.
122. В Петербурге. 19-го октября // Биржевые ведомости 1905, 21 октября. №9076. С. 5.
123. *А.Дж. Е.В. Тарле [некролог] // Русские ведомости. 1905, 23 октября. №278. С. 3.*
124. Среди газет и журналов // Новое время. 1905, 13 (26) сентября. №10608. С. 3.
125. Среди газет и журналов // Новое время. 1905, 16 (29) сентября. №10611. С. 3.
126. Отзвуки смерти князя С.Н. Трубецкого в университете // Петербургский листок. 1905, 1 (14) октября. №260. С. 2.
127. К Кончине князя С.Н. Трубецкого // Биржевые ведомости. 1905, 2 (15) октября. №9061. С. 3.
128. К кончине С.Н. Трубецкого // Петербургский листок. 1905, 3 (16) октября. №262. С. 2.
129. Кончина и похороны кн. С.Н. Трубецкого // Русские ведомости. 1905, 5 октября. №260. С. 5.
130. Хроника // Новое время. 1905, 1 (14) октября. №10626. С. 4.
131. С.-Петербург, 19 сентября // Новое время. 1905, 20 сентября (3 октября). №10615. С. 2.
132. Из газет и журналов. Университетские дела // Биржевые ведомости. 1905, 20 сентября (3 октября). №10615. С. 4.
133. Самозащищающиеся корпорации // Новое время. 1905, 8 (21) октября. №10631. С. 3.
134. Хроника. Среди студентов // Биржевые ведомости. 1905, 15 (28) сентября. №9031. С. 3.
135. Хроника // Новое время. 1905, 20 сентября (3 октября). №10615. С. 3.
136. Университетские вести // Свет. 1905, 23 сентября. №248. С. 1.
137. Собрание академического союза студентов. В учебных заведениях // Петербургская газета. 1905, 1 октября. №261. С. 3.
138. *Ростовцев Е.А., Андреева В.В. Петербургский университет – центр национального движения в Российской империи (в печати).*

References

1. Pavlitskaya N.I. *Peterburgskii universitet v revolyutsii 1905–1907 gg.* [St. Petersburg University in Revolution of 1905–1907], *Vestnik LGU* [Bulletin of Leningrad State University], 1948, no. 11, p. 138–156.
2. Sladkevich N.G. *Peterburgskii universitet v 1905 g.* [St. Petersburg University in 1905], *Vestnik LGU* [Bulletin of Leningrad State University], 1955, no. 3, pp. 23–35.
3. Engel' G.A. *1905 god i studencheskoe dvizhenie v Peterburge* [Year 1905 and student movement in St. Petersburg], *Leningradskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Leningrad University in the memoirs of contemporaries]: 3 volumes, pod. red. V.V. Mavrodina. Leningrad, 1982, Vol. 2: Peterburgskii-Leningradskii universitet, 1895–1917, pp. 68–72.
4. Yakovlev V. p. *Peterburgskii universitet v revolyutsii 1905–1907 gg.* [St. Petersburg University in revolution of 1905–1907], *Vestnik LGU* [Bulletin of Leningrad State University], 1980, no. 2, Istoriya, yazykoznanie, literature, vol. 1, pp. 19–25.
5. Rostovtsev E.A. *Professorskaya kollegiya stolichnogo universiteta v 1905 g.: «revolyutsiya» na sluzhbe «korporatsii»* [Professor's collegium of the capital university in 1905: «revolution» at the service of «corporation»], *Sankt-Peterburgskii universitet v XVIII–XX vv.: evropeiskie traditsii i rossiiskii kontekst. Materialy mezhdunar. nauch. konf. 23–25 iyunya 2009 g.* [Saint-Petersburg University in XVIII–XX centuries: European traditions and Russian context, materials of international conference of June 23–25, 2009], otv. red. A.Yu. Dvornichenko, I.L. Tikhonov, Saint-Petersburg: Izdatel'skii dom Sankt-Peterburgskogo universiteta, SPb., 2010. S. 162–179.
6. *General-gubernator S.-Peterburga D.F. Trepov – ministru narodnogo prosveshcheniya V.G. Glazovu, 14 oktyabrya 1905 g.* [Saint-Petersburg Governor General D.F. Trepov – minister of public education V.G. Glazov, October 14, 1905] // GARF. F. 102. O p. 233 a. D. 3, Ch.26. L. 33.
7. Lenin V.I. *Vserossiiskaya politicheskaya stachka* [The All-Russia political rebellion] // Lenin V.I. PSS. Moscow, 1960. T. 12. pp. 1-4.
8. Bondarevskaya T. p. *Bol'shevistskaya organizatsiya universiteta v revolyutsii 1905–1907 gg.* [Bolshevist organization of the University during the resolution of 1905–1907], *Peterburgskii universitet i revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii* [St. Petersburg University and revolutionary movement in Russia], otv. red. N.G. Sladkevich. Leningrad, 1979. pp. 67-80.
9. Rostovtsev E.A., Андреева В.В. *Peterburgskii universitet 1905 g. v zerkale periodicheskoi pechati* [St. Petersburg University of 1905 in the mirror of periodicals], *Klio*, 2014, no. 10, pp. 3-14.
10. *Universitetskaya avtonomiya (Beseda s privat-dotsentom V.N. Speranskim)* [University autonomy (Conversation with privat-docent V.N. Speransky)], *Peterburgskaya Gazeta*, 1905, 14 September, no. 224, p. 3.

11. *O novom universitetskom ustave. Mnenie prof. A.A. Inostrantseva* [About new university charter. Opinion of professor A.A. Inostranzev], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 2 (15) September, no. 9009, p. 2.
12. Rostovtsev E.A. *Stolichnyi universitet v fokuse ministerskoi politiki (1884-1890)* [Capital University in the focus of ministries policy (1884–1890)], *Klio*, 2013, no. 10, pp. 57-64.
13. *Fel'etonnye otryvki. Iz nedalekogo proshlogo. G.Yablonovskii v «Russkom slove»* [Feuilleton extracts. From the near past. G. Yablonsky in the «Russkoe Slovo»], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 22 September (5 October), no. 9044, p. 4.
14. *V vysshikh uchebnykh zavedeniyakh* [In the Higher educational institutions], *Peterburgskii listok*, 1905, 3 (16) September, no. 232, p. 2.
15. *V sovete professorov* [In the professors council], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 3 (16) September, no. 9011, p. 1.
16. *Iz gazet. Naivazhneishii printsip universitetskoï reform* [From newspapers. The most important principle of the University reform], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 3 (16) September, no. 9012, p. 4.
17. *Iz gazet. Rezolyutsiya soveta peterburgskogo universiteta po povodu ukaza 27 avg.* [From newspapers. Revolution of the St. Petersburg University council about the decree of the 27th of August], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 7 (20) September, no. 9018, p. 3.
18. Esbe. *K universitetskoï reforme. Beseda s prof. Gezekhusom* [The question of University reform. Conversation with professor Gezekhus], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 8 (21) September, no. 9020, p. 3.
19. *U novykh dekanov (Iz besed). U professora L.I. Petrazhitzkogo* [With the new deans (From conversations). With professor L.I. Petrazhitzky], *Peterburgskii listok*, 1905, 13 (26) September, no. 242, p. 2.
20. Melankholik. *Ekho* [Echo], *Peterburgskii listok*, 1905, 6 (19) September, no. 235, p. 2.
21. Anzimirov V. *Nenuzhnyi «institut»* [Unnecessary «institute»], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 7 (20) September, no. 9017, p. 1.
22. *Khronika. Rasprostranenie uchebnoi avtonomii na vse vysshie shkoly* [Chronicle. Spread of educational autonomy to all higher schools], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 7 (20) September, no. 9017, p. 3.
23. Protei. *Dnevnik* [Diary], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 7 (20) September, no. 9018, pp. 2–3.
24. *Iz gazet. V kakikh formakh zhelatel'no obshchenie professorov i studentov* [From newspapers. Which forms of communication between students and professors are desirable], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 8 (21) September, no. 9020, p. 4.
25. *Studencheskie dela. Nachalo zanyatii v universitete* [Students affairs. Beginning of studies at the University], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 20 September (3 October), no. 9039, p. 3.
26. Rozanov V. *K universitetskoï reforme* [To the university reform], *Novoe vremya*, 1905, 7 (20) September, no. 10602, p. 3.
27. *Sredi gazet i zhurnalov* [From newspapers and journals], *Novoe vremya*, 1905, 7 (20) September, no. 10602, p. 3.
28. *Sredi gazet i zhurnalov* [From newspapers and journals], *Novoe vremya*, 1905, 15 (28) September, no. 10610, p. 3.
29. Rozanov V. *Trevogi i nadezhdy universiteta* [Concerns and expectations of the university], *Novoe vremya*, 1905, 18 September (1 October), no. 10613, p. 3.
30. *Iz gazet. Universitetskaya avtonomiya* [From newspapers. University autonomy], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 1 (14) September, no. 9008, p. 4.
31. *Sredi gazet i zhurnalov* [From newspapers and journals], *Novoe vremya*, 1905, 2 (15) September, no. 10597, p. 3.
32. *Iz gazet i zhurnalov* [From newspapers and journals], *Novoe vremya*, 1905, 9 (22) September, no. 10604, p. 3.
33. *Professorskii s'ezd. Moskva, 1-go sentyabrya (Po telefonu ot nashego korrespondenta)* [Professors congress. Moscow, September, 1 (By telephone from our correspondent)], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 2 (15) September, no. 9009, p. 2.
34. M-lik. *Sredi studentov* [Among students], *Peterburgskii listok*, 1905, 2 (15) September, no. 231, p. 2.
35. *O novom universitetskom ustave. Mnenie professora F.F. Zelinskogo* [About new university charter. Opinion of professor F.F. Zelinsky], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 2 (15) September, no. 9009, p. 2.
36. Protei. *Dnevnik* [Diary], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 7 (20) September, no. 9018, p. 2–3.
37. *V V-tskii. Plan novogo rektora. Beseda s professorom Iv.Iv. Borgmanom* [Plan of the new rector. Conversation with professor I.I. Borgman], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 10 (23) September, no. 9023, p. 2.
38. *Studencheskie dela. V peterburgskom universitete* [Students affairs. In Saint-Petersburg University], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 22 September (5 October), no. 9043, p. 2.
39. *Studencheskie dela. V S.-Peterburgskom universitete* [Students affairs. In Saint-Petersburg University], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 28 September (11 October), no. 9053, pp. 2-3.
40. A.Sh. *K universitetskoï reforme. Beseda s D.I. Mendeleevym* [The University reform. Conversation with D.I. Mendeleev], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 17 (30) centyabrya, no. 9036, p. 2.
41. Rozanov V. *Universitetskaya reforma* [University reform], *Novoe vremya*, 1905, 4 (17) September, no. 10599, p. 3.
42. *Sredi gazet i zhurnalov* [From newspapers and journals], *Novoe vremya*, 1905, 14 (27) September, no. 10609, p. 4.
43. *Khronika* [Chronicle], *Novoe vremya*, 1905, 10 (23) September, no. 10605, p. 3.
44. *Khronika* [Chronicle], *Novoe vremya*, 1905, 13 (26) September, no. 10608, p. 4.
45. *Studencheskie dela. Skhodka v universitete* [Students affairs. Meeting in the university], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 20 September (3 October), no. 9039, pp. 2-3.
46. *Listok. Sluchai v universitete* [Leaflet. Occasion at the University], *Peterburgskii listok*, 1905, 21 September (4 October), no. 250, p. 3.
47. *Pis'ma v redaktsiyu. Professor Aleksandr Vvedenskii* [Letters to the Editorial board. Professor Alexander Vvedensky], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 22 September (5 October), no. 9044, p. 4.
48. *Telegrafnye izvestiya* [Telegraph news], *Russkie vedomosti*, 1905, 22 September, no. 257, p. 2.
49. *Universitetskie vesti* [University news], *Svet*, 1905, 24 September, no. 249, p. 2.
50. *Khronika* [Chronicle], *Novoe vremya*, 1905, 22 September (5 October), no. 10617, p. 3.
51. *Sredi gazet i zhurnalov* [From newspapers and journals], *Novoe vremya*, 1905, 22 September (5 October), no. 10617, p. 3.
52. *Khronika* [Chronicle], *Novoe vremya*, 1905, 23 September (6 October), no. 10618, p. 4.
53. *Khronika* [Chronicle], *Novoe vremya*, 1905, 24 September (7 October), no. 10619, p. 4.
54. *Listok. Koalitsionnyi studencheskii sovet* [Leaflet. Coalition student council], *Peterburgskii listok*, 1905, 23 September (6 October), no. 252, p. 2.
55. *Khronika* [Chronicle], *Novoe vremya*, 1905, 28 September (11 October), no. 10623, p. 4.
56. *Vcherashnie skhodki. V universitete* [Yesterday's meetings. At the university], *Peterburgskii listok*, 1905, 28 September (11 October), no. 257, p. 3.
57. *Universitetskie vesti* [University news], *Svet*, 1905, 29 September, no. 254, p. 2.

58. *Khronika* [Chronicle], *Novoe vremya*, 1905, 13 (26) October, no. 10636, p. 4.
59. *Khronika* [Chronicle], *Novoe vremya*, 1905, 14 (27) October, no. 10637, p. 4.
60. Z. U novykh dekanov (Iz besed) II. U professora F.A. Brauna [With the new deans (From conversations). II. Visit to professor F.A. Braun], *Peterburgskii listok*, 1905, 12 (25) September, no. 241, p. 2.
61. *Universitetskie izvestiya* [University news], *Svet*, 1905, 3 September, no. 229, p. 1.
62. *Universitetskaya reforma. Mnenie prof. I.I. Borgmana* [University reform. Opinion of professor I.I. Borgman], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 1 (14) September, no. 9007, p. 3.
63. *Universitetskaya reforma. Gosudarstvennaya sluzhba professorov* [University reform. State service of professors], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 1 (14) September, no. 9007, p. 3.
64. *Khronika* [Chronicle], *Novoe vremya*, 1905, 5 (18) September, no. 10600, p. 3.
65. *Sredi gazet i zhurnalov* [From newspapers and journals], *Novoe vremya*, 1905, 8 (21) September, no. 10623, p. 3.
66. *Iz gazet i zhurnalov. Osnovatel'naya trevoga* [From newspapers and journals. Valid concern], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 15 (28) September, no. 9032, p. 3.
67. *Vybory rektora* [Rector Elections], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 8 (21) September, no. 9019, p. 3.
68. G. U novogo rektora (Iz besedy) [With the new rector (From conversation)], *Peterburgskii listok*, 1905, 9 (22) September, no. 238, p. 2.
69. S. Z-ov. U novykh dekanov (Iz besed) [With the new deans (from conversations)], *Peterburgskii listok*, 1905, 11 (24) September, no. 240, p. 3.
70. Professor-yurist. O pravakh i diplomakh vysshikh uchenykh zavedenii. II [About the rights and diplomas of higher educational institutions. II], *Novoe vremya*, 1905, 6 (19) September, no. 10601, p. 3.
71. V vysshikh shkolakh [At the higher schools], *Peterburgskaya gazeta*, 1905, 10 September, no. 249, p. 4.
72. *Poslednie izvestiya. Sredi dotsentov i laborantov* [Latest news. Among associate professors and laboratory assistants], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 14 (27) September, no. 9030, p. 2.
73. *Poslednie izvestiya. Sredi peterburgskikh dotsentov i laborantov* [Latest news. Among St. Petersburg associate professors and laboratory assistants], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 9 (22) September, no. 9022, p. 2.
74. *Khronika. Zayavlenie mladshikh prepodavatelei rektoru spb. universiteta* [Chronicle. Declaration of assistant lecturers to the rector of Saint-Petersburg University], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 29 September (12 October), no. 9055, p. 3.
75. *Khronika. S'ezd rektorov vysshikh uchebnykh zavedenii* [Chronicle. Congress of rectors of the higher educational institutions], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 8 (21) September, no. 9020, p. 4.
76. *Vcherashnie skhodki. V universitete* [Yesterday's meetings. At the University], *Peterburgskii listok*, 1905, 20 September (3 October), no. 249, p. 3.
77. *Sredi gazet i zhurnalov* [From newspapers and journals], *Novoe vremya*, 1905, 28 September (11 October), no. 10623, p. 3.
78. *Sredi gazet i zhurnalov* [From newspapers and journals], *Novoe vremya*, 1905, 3 (16) September, no. 10599, p. 3.
79. *K universitetskoj reforme* [To the University reform], *Novoe vremya*, 1905, 3 (16) September, no. 10599, p. 3.
80. *Khronika. Skhodka v universitete* [Chronicle. Meeting at the University], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 13 (26) September, no. 9027, p. 3.
81. *Studencheskie skhodki. Skhodka v universitete* [Students meetings. Meeting at the University], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 14 (27) September, no. 9029, p. 4.
82. *Vcherashnie skhodki. Skhodka studentov v universitete* [Yesterday's meetings. Students meeting at the University], *Peterburgskii listok*, 1905, 14 (27) September, no. 243, p. 3.
83. *Studencheskie dela. V spb. universitete* [Students affairs. At Saint-Petersburg University], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 21 September (4 October), no. 9041, p. 2.
84. *Khronika* [Chronicle], *Novoe vremya*, 1905, 21 September (4 October), no. 10616, p. 13.
85. *Professora o studencheskikh organizatsiyakh. Mnenie prof. E.V. Tarle* [Professors about students' organizations. Opinion of professor E.V. Tarle] *Birzhevye vedomosti*, 1905, 21 September (4 October), no. 9042, p. 3.
86. *Studencheskie dela. Lektsiya Tarle* [Students affairs. Tarle's lecture], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 22 September (5 October), no. 9043, p. 2.
87. *Gazeta gazet. Iz peredovykh statei. V universitetakh. «Nasha Zhizn'»* [Newspaper of newspapers. From leading articles. At universities], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 27 September (10 October), no. 9052, p. 3.
88. *Tusenin F. Universitetskie mitingi* [University meetings], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 30 September (13 October), no. 9057, p. 1.
89. *Po telefonu (ot nashikh korrespondentov)* [By telephone (from our correspondents)], *Russkie vedomosti*, 1905, 6 October, no. 261, p. 2.
90. *Ot sovetskoj komissii S.-Peterburgskogo universiteta* [From Soviet commission of Saint-Petersburg University], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 7 (20) October, no. 9063, p. 3.
91. *Zayavleniya ot soвета komissii S.-Peterburgskogo universiteta* [Statement of the council of the commission of St. Petersburg university], *Novoe vremya*, 1905, 7 (20) October, no. 10630, p. 3.
92. *Studencheskie dela. Mitingi* [Students affairs. Meetings], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 12 (25) October, no. 9071, p. 4.
93. *V universitete. Skhodka zheleznodorozhnikov* [At the university. Meeting of railroad men], *Peterburgskii listok*, 1905, 12 (25) October, no. 268, p. 3.
94. *Studencheskie dela. Mitingi. Prikazchikov* [Students affairs. Meetings. Of estate managers], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 12 (25) October, no. 9071, p. 4.
95. *V universitete. Miting prikazchikov* [At the University. Meeting of estate managers], *Peterburgskii listok*, 1905, 12 (25) October, no. 268, p. 3.
96. *Zabastovki* [Strikes], *Novoe vremya*, 1905, 14 (27) October, no. 10637, p. 4.
97. *Studencheskie dela. Mitingi. Gimnazistov* [Students affairs. Meetings. Of gymnasists], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 12 (25) October, no. 9071, p. 4.
98. *Mitingi v universitete* [Meetings at the University], *Peterburgskii listok*, 1905, 14 (27) October, no. 270, p. 3.
99. *Listok. Miting sluzhashchikh v pravitel'stvennykh uchrezhdeniyakh* [Leaflet. Meeting of public servants], *Peterburgskii listok*, 1905, 14 (27) October, no. 270, p. 3.
100. *V Peterburge. 14-go oktyabrya* [In St. Petersburg. October, 14], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 21 October, no. 9076, p. 5.
101. *V universitete. Miting gimnazistov* [At the University. Meeting of gymnasists], *Peterburgskii listok*, 1905, 12 (25) October, no. 268, p. 3.
102. *Listok. Soveshchanie o svobode sobranii* [Leaflet. Council about the freedom of gathering], *Peterburgskii listok*, 1905, 11 (24) October, no. 267, p. 3.

103. *Khronika* [Chronicle], *Novoe vremya*, 1905, 7 (20) October, no. 10630, p. 4.
104. *Novoe vremya* [New period of time][Leading article] // *Novoe vremya*. 1905, 14 (27) October, no. 10637, p. 1.
105. *Mitingi. Vo dvore universiteta* [Meetings In the University yard], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 14 (27) October, no. 9075, p. 2.
106. *Memuary grafa I.I. Tolstogo*. [Memoirs of count I.I. Tolstoy] M., 2002.
107. *Listovki peterburgskikh bol'shevikov*[Leaflets of Petersburg Bolsheviks], Leningrad, 1939.Vol. 1.
108. Rogozin N.I. *Politicheskaya bor'ba za molodezh v Rossii*[Political struggle for youth in Russia] M., 1989.
109. *Zapiska Otdeleniya po okhraneniyu obshchestvennoi bezopasnosti i poryadka v stolitse. 12 oktyabrya 1905 g.* [Memorial of the Department for Protecting public Security and Order in the capital. October 12, 1905], GARF. F. 102. O p. 233 a. D. 3. Ch.26. L. 32 ob.
110. *Zhurnal ekstrennogo zasedaniya Soveta SPb. universiteta. 14 oktyabrya 1905 g.* [Journal of the emergency meeting of the Saint-Petersburg University Council. October 14, 1905], *Zhurnaly zasedanii Soveta Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta za 1905 g.* SPb., 1906. [Journals of meetings of the Saint-Petersburg University Council in 1905], pp. 130–138.
111. *Zhurnal ekstrennogo zasedaniya Soveta SPb. universiteta. 15 oktyabrya 1905 g.* [Journal of the emergency meeting of the Saint-Petersburg University Council. October 15, 1905], *ibid.*, p. 139–144.
112. *Zhurnal ekstrennogo zasedaniya Soveta SPb. universiteta. 17 oktyabrya 1905 g.* [Journal of the emergency meeting of the Saint-Petersburg University Council. October 17, 1905], *ibid.*, p. 146–148.
113. *Prilozheniya k zhurnalov zasedaniya Soveta SPb. Universiteta 17 oktyabrya 1905 g.* [Supplements to the journal of meeting of the Saint-Petersburg University Council of October 17, 1905], *ibid.*, p. 149–150.
114. D'yakonov A. *1905 i 1906 gody v Peterburgskom universitete* [Years 1905 and 1906 at the St. Petersburg University], Saint-Petersburg, 1907.
115. Sladkevich N.G. *V.I. Lenin i Peterburgskii universitet*[V.I. Lenin and St. Petersburg University], *Peterburgskii universitet i revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii* [St. Petersburg University and revolutionary movement in Russia] L., 1979. pp. 5-22.
116. Tishkin G.A. *Studentki universiteta i slushatel'nitsy Bestuzhevskikh kursov v 1905-1907 g.* [Women students and auditresses of Bestuzhev's courses in 1905–1907], *Peterburgskii universitet i revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii* [Petersburg University and revolutionary movement in Russia] L., 1979. pp. 80-91.
117. Ziborova E.O. *Studencheskie perepisi v Peterburgskom universitete v nachale XX v.*[Student censuses at St. Petersburg University in the beginning of the 20th century], *Klio*, 2013, no. 10 (82), pp. 65-68.
118. *Zhurnal zasedaniya Soveta SPb. universiteta. 16 fevralya 1906 g.*[Journal of the meeting of Saint-Petersburg University Council. February 16, 1906], *Protokoly zasedanii Soveta Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta za 1906 g.* [Protocols of the meetings of Saint-Petersburg University Council in 1906], Saint-Petersburg, 1907, p. 23.
119. *Obshchii otchet prikhodov i raskhodov po studencheskoi stolovoi im. F.F. Millera za period ot 15 sentyabrya 1905 goda po 15 fevralya 1906 goda*[General report of receipts and expenditures on student refectory named after F.F. Miller from September 15, 1905 till February 15, 1906], *ibid.*, p. 33–35.
120. *Otchet za oktyabr' 1905 g. Komissii po zavedovaniyu studencheskoi stolovoi imeni prof. F.F. Millera*[Report for October 1905 of the Commission for directing student refractory named after F.F. Miller], TsGIA SPb. F.14. O p. 3. D.11965. L. 1-2.
121. *O studencheskoi stolovoi pri universitete*[About the student refractory affiliated with University], TsGIA SPb. F. 14. Op. 1. D. 10120.
122. *V Peterburge. 19-go oktyabrya* [In St. Petersburg. October 19], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 21 October, no. 9076, p. 5.
123. A.Dzh. E.V. *Tarle[nekrolog]* [necrologue], *Russkie vedomosti*, 1905, 23 October, no. 278, p. 3.
124. *Sredi gazet i zhurnalov*[From newspapers and journals], *Novoe vremya*, 1905, 13 (26) September, no. 10608, p. 3.
125. *Sredi gazet i zhurnalov* [From newspapers and journals], *Novoe vremya*, 1905, 16 (29) September, no. 10611, p. 3.
126. *Otvuki smerti knyazya S.N. Trubetskogo v universitete*[Echo of the death of Prince S.N. Trubezkoy], *Peterburgskii listok*, 1905, 1 (14) October, no. 260, p. 2.
127. *K konchine knyazya S.N. Trubetskogo* [To the death of Prince S.N. Trubezkoi], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 2(15) October, no. 9061, p. 3.
128. *K konchine S.N. Trubetskogo* [To the death of Prince S.N. Trubezkoi], *Peterburgskii listok*, 1905, 3 (16) October, no. 262, p. 2.
129. *Konchina i pokhorony kn. S.N. Trubetskogo*[Death and funeral of Prince S.N. Trubezkoi], *Russkie vedomosti*, 1905, 5 October, no. 260, p. 5.
130. *Khronika* [Chronicle], *Novoe vremya*, 1905, 1 (14) October, no. 10626, p. 4
131. *S.-Peterburg, 19 sentyabrya* [St.Petersburg. September 19], *Novoe vremya*, 1905, 20 September (3 October), no. 10615, p. 2.
132. *Iz gazet i zhurnalov. Universitetskie dela*[From newspapers and journals. University affairs], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 20 September (3 October), no. 10615, p. 4.
133. *Samozashchishchayushchiesya korporatsii* [Self-protective corporations], *Novoe vremya*, 1905, 8 (21) October, no. 10631, p. 3.
134. *Khronika. Sredi studentov*[Chronicle. Among students], *Birzhevye vedomosti*, 1905, 15 (28) September, no. 9031, p. 3.
135. *Khronika*[Chronicle], *Novoe vremya*, 1905, 20 September (3 October), no. 10615, p. 3.
136. *Universitetskie vesti*[University news], *Svet*, 1905, 23 September, no. 248, p. 1.
137. *Sobranie akademicheskogo soyuza studentov. V uchebnykh zavedeniyakh*[Meeting of academic union of students. At the educational institutions], *Peterburgskaya gazeta*, 1905, 1 October, no. 261, p. 3.
138. *Rostovtsev E.A., Andreeva V.V. Peterburgskii universitet – tsentr natsional'nogo dvizheniya v Rossiiskoi imperii (v pechati)* [St. Petersburg university – centre of national movement in the Russian Empire (unpublished)].

© Клио, 2015

© Ростовцев Е.А., Андреева В.В., 2015